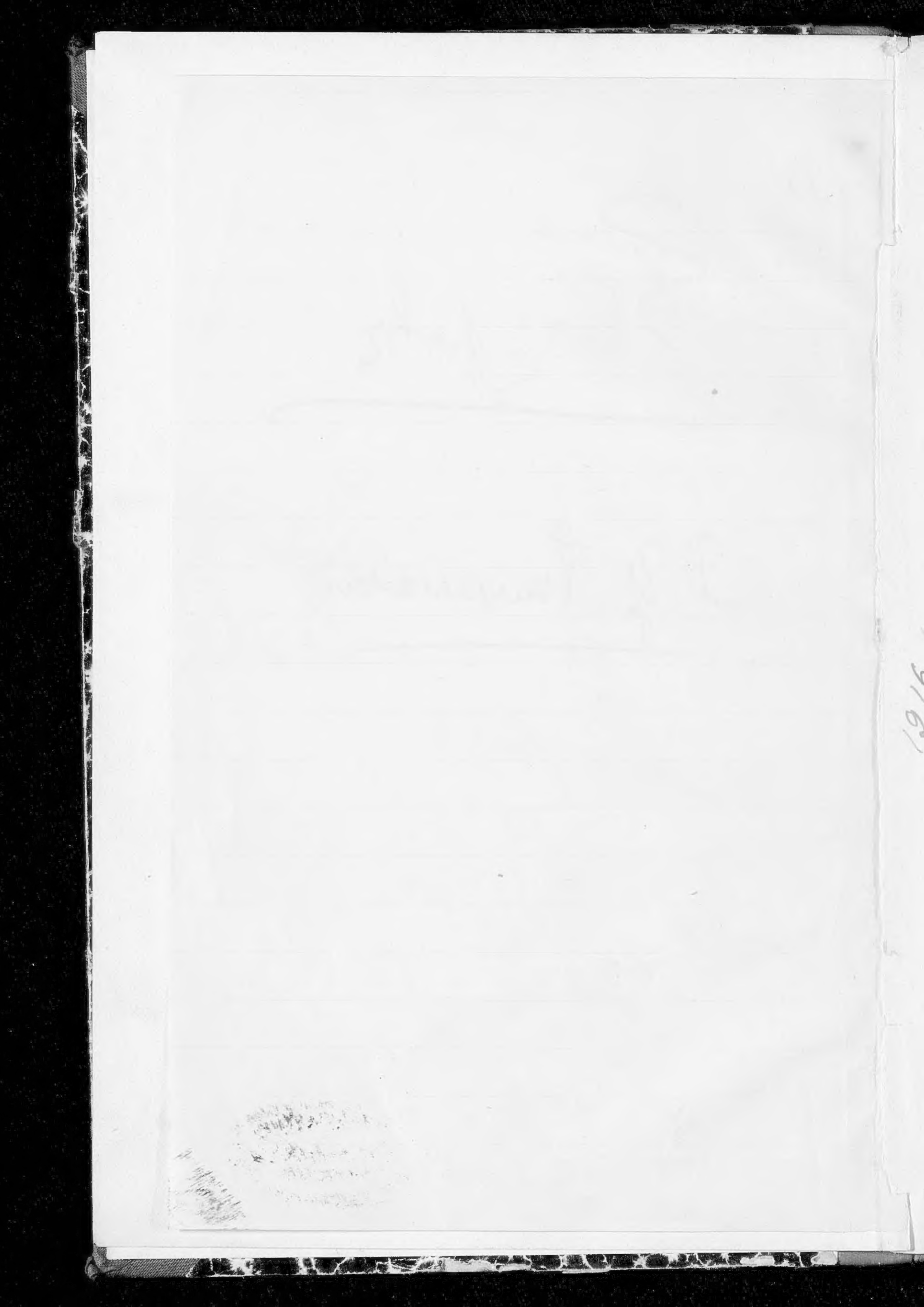

Б-95

20

Бесзровъ

В. Г. Бѣлинскій

В. Гр. Бѣлинскій.

Бѣлинскій былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ новыхъ идей и, безъ сомнѣнія, самый дѣятельный распространитель и защитникъ ихъ въ литературѣ.

Пыпинъ.

I.

26-го мая 1898 года исполняется ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, немного не дожившаго до того дня, въ который ему должно было исполниться 38 лѣтъ отъ роду. Грустно становится на душѣ всякаго, кому дороги успѣхи нашей отечественной литературы, когда вспомнишь, что большинство нашихъ выдающихся поэтовъ и писателей такъ рано было похищено смертью, въ самой порѣ полнаго развитія своихъ силъ, своихъ талантовъ, что многимъ изъ нихъ не удалось дожить до глубокой старости и совершить все то, что они, можетъ быть, могли бы совершить, великіе задатки чего, можетъ быть, еще только таились въ ихъ душѣ. Припомнимъ трагическую кончину Пушкина, умершаго въ самомъ разцвѣтѣ силъ и таланта, на 38-мъ году своей жизни, того великаго Пушкина, который даже въ краткій періодъ своей дѣятельности, несмотря на многіе тяжелые перевороты и бури, испытанные имъ въ жизни, смогъ дать столько вдохновенныхъ, чудныхъ созданій своего могучаго генія-Протея, смогъ

перерости общество и силой своего поэтическаго дара такъ опередить его, что даже сдѣлался ему непонятнымъ, что только черезъ много лѣтъ его произведенія могли быть справедливо поняты и оцѣнены, и то благодаря только вдохновеннымъ статьямъ В. Г. Бѣлинскаго. Вспомнимъ А. С. Грибоѣдова, умершаго на 34-мъ году и успѣвшаго оставить намъ только одно серьезное произведеніе, но зато какое произведеніе! Эту русскую истинно divina commedia, комедію, на которой воспитывалось въ Россіи все подрастающее поколѣніе, комедію, которую публика ранѣе ея выхода въ свѣтъ, всю еще въ рукописи разнесла по клочкамъ и этими клочками наполнила, испестрила свою рѣчь! Сколько, можетъ быть, подарилъ бы намъ этотъ рано погибшій и такъ трагически погибшій геній! Вспомнимъ, наконецъ, и этого юношу поэта, который увялъ, едва успѣвъ распуститься, М. Юр. Лермонтова, удивившаго всѣхъ могучей силой своего генія, поразившаго всѣхъ стальной крѣпостью и очаровательнымъ могуществомъ своего стиха и все-таки такъ и ушедшаго отъ насъ загадкою. Печально становится на сердцѣ при этихъ воспоминаніяхъ, но это наше настроеніе вполнѣ гармонируетъ съ печальнымъ торжествомъ, которому посвящены наши строки. Всѣхъ этихъ геніевъ при первомъ дебютѣ ихъ встрѣчалъ В. Гр. Бѣлинскій, и съ ними раздѣлилъ и общій ихъ удѣлъ—безвременную кончину.

Бѣлинскій никогда не былъ практикомъ въ своей жизни, онъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова человѣкомъ идеи и даже больше мученикомъ идеи, онъ съ жаромъ отдавался новой мысли, которая охватывала его, поглощала совершенно, овладѣвая всѣмъ существомъ его, заставляла мучительно оставлять свои прежнія убѣжденія; вся жизнь его была постояннымъ мучительнымъ развитіемъ. Насколько эта умственная жизнь овладѣвала имъ, съ какой страстностью онъ отыскивалъ истину, лучше всего можетъ показать то прозвище, которымъ окрестили его друзья—«неистовый Виссаріонъ». Дѣйствительно «неистовый», потому что Виссаріонъ Григорьевичъ никогда не работалъ

на избранномъ поприщѣ своего служенія какъ наемникъ, никогда матеріальныя нужды или невзгоды не брали верха надъ его могучимъ духомъ; служеніе истинѣ, мучительное отыскиваніе ея, вотъ задача нашего покойнаго критика, руководителя нашего общества въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Наряду съ этой неустанной умственной работой нужно отмѣтить и постоянную матеріальную нужду, всякаго рода житейскія невзгоды, явившіяся результатомъ полной непрактичности этого высокаго идеалиста. Вотъ обстоятельства, которыя въ значительной степени содѣйствовали преждевременной кончинѣ Бѣлинскаго. Да и кончина то его была такъ же печальна, какъ печальна была и вся его жизнь. Можно-ли безъ грусти читать эти строки, написанныя другомъ Бѣлинскаго Панаевымъ:

«Я разъ зашелъ къ нему утромъ, это было или въ послѣднихъ числахъ апрѣля, или въ первыхъ мая. На дворъ, подъ деревья, вынесли диванъ — и Бѣлинскаго вынесли подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, опустивъ голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку, всю покрытую холоднымъ потомъ. Черезъ минуту онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ: «плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!» Я началъ было нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня: «Полноте говорить вздоръ». И снова, молча и тяжело дыша, опустилъ голову».

Эта встрѣча Панаева съ Бѣлинскимъ была послѣднею, въ этомъ же маѣ его не стало.

Но не будемъ забѣгать впередъ въ своемъ разсказѣ и постараемся насколько возможно познакомить читателей съ жизнью Виссаріона Григорьевича и охарактеризовать его дѣятельность. Конечно въ предѣлахъ настоящей нашей статьи мы и не надѣемся ни сказать что-либо новое, ни вполнѣ нарисовать передъ глазами читателей эту могучую личность, ни яркими красками, изобразить мучительное духовное развитіе Бѣлинскаго, но если мы вызовемъ хоть интересъ къ личности покойнаго писателя,

хоть желаніе ближе ознакомиться съ его дѣятельностью, мы будемъ считать свою задачу исполненной.

II.

Ложный классицизмъ, проникшій въ Россію съ запада благодаря дѣятельности Ломоносова, надолго воцарился въ нашей литературѣ. Только мало по малу дѣятельность Н. М. Карамзина, В. А. Жуковскаго стали наносить удары этому могучему, несмотря на всю его ложность, направленію литературы. Но и эти удары не могли вполнѣ сокрушить его, находились еще старые книжники, не хотѣвшіе разстаться съ литературными традиціями, на которыхъ они были воспитаны. Не забудемъ, что Державинъ еще, «въ гробъ сходя», успѣлъ благословить Пушкина. Такимъ образомъ псевдо-классицизмъ, хотя уже нѣсколько и подорванный въ своихъ основахъ, хотя уже и прискучившій читающей публикѣ, которая съ восторгомъ внимала первому живому слову въ «Бѣдной Лизѣ» Карамзина, дожилъ до самой эпохи Пушкина. Его могучему генію выпало на долю нанести окончательный ударъ классицизму: новый поэтъ, хотя и благословленный Державинымъ, пошелъ по новому пути, и доказалъ, что его путь и есть истиненъ.

Уже въ Лицеѣ Пушкинъ почувствовалъ [1]) своей поэтической натурой всю фальшивость произведеній ложно-классиковъ, уже тогда въ его шкафу въ пыли лежали

Визгова сочиненія,
Глупона пѣснопѣнія,

и онъ обращаясь къ Баркову и Майкову, восклицаетъ

Хвала вамъ, чада славы,
Враги парнасскихъ узъ.

---

[1]) Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. I, стр. 506 и сл.

Реальное направленіе, рано проявившееся у Пушкина, привело его къ тому, что его муза

Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ...

Вліяніе новыхъ направленій [1]) сказалось и на постановкѣ литературной исторіи: въ ней искали уже внутренняго содержанія. Уже у Пушкина высказывалось немало яркихъ и вѣрныхъ мыслей о различныхъ явленіяхъ нашей старинной литературы. Вспомнимъ, напримѣръ, что Пушкинъ первый пришелъ къ выводу, высказанному въ «Мысляхъ на дорогѣ» (1833)...

«Изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго».

Эти новые запросы исторической и эстетической критики, говоритъ Пыпинъ [2]), нашли свое завершеніе въ томъ кругу молодыхъ философовъ и писателей тридцатыхъ годовъ, который послѣ Шеллинга перешелъ къ увлеченію гегеліанствомъ и изъ котораго вышелъ Бѣлинскій.

У Шеллинга [3]) абсолютное еще представлялось началомъ высшимъ природы и исторіи, которыя суть не что иное, какъ ея символы и, открывая ее, въ тоже время скрываютъ: абсолютное оставалось неподвижнымъ за подвижною завѣсою природы.

Гегель оставляетъ это начало: абсолютное есть нѣчто внутреннее, имманентное самой реальности. Какъ же представить себѣ это абсолютное? По Гегелю, это — мысль, разумъ,

---

[1]) Пыпинъ, Истор. русск. лит., т. I, стр. 17.
[2]) ibid.
[3]) Histoire de la philosophie par Alfred Fouillée.

а не воля, высшая чѣмъ сама мысль: разумъ для своего проявленія не нуждается ни въ высшей себя, ни въ низшей себя дѣятельности: онъ проявляется, потому что онъ разумъ и самъ въ себѣ заключаетъ необходимость своего существованія. «Все, что разумно, дѣйствительно». Съ другой стороны, реальное можетъ существовать только въ томъ случаѣ, если есть необходимость его существованія, а эта необходимость можетъ быть только разумомъ: «Все дѣйствительное разумно». Вотъ принципъ абсолютнаго, но абсолютное порождается только самимъ собою: оно свободно, и въ абсолютномъ разумѣ высшая необходимость тожественна съ высшей свободой.

Абсолютный разумъ не есть нѣчто неподвижно-истинное или мысль неподвижная: это есть разумъ живой, находящійся въ безпрерывномъ движеніи, безпрерывно идущій впередъ. То, что заразъ абсолютно разумно и абсолютно дѣйствительно, и есть движеніе впередъ, разсматриваемое въ своей цѣлости. Отдѣльные моменты этого движенія только относительно разумны и дѣйствительны: они носятъ характеръ необходимости, такъ какъ въ концѣ концовъ они моменты самой необходимости но необходимость-то ихъ временная и скоропреходящая. Общая необходимость *во всемъ*, а не въ частяхъ; она стремится освободиться отъ всѣхъ частныхъ проявленій, чтобы наконецъ показать себя дѣйствующею только съ всеобщей свободой. Абсолютное прогрессируетъ въ своихъ проявленіяхъ. По Гегелю, если Бога называютъ абсолютомъ, то «Бога *нѣтъ*, но онъ *становится*».

Можно возразить Гегелю: развѣ это не значитъ отожествлять противоположное: абсолютное съ относительнымъ, свободное съ необходимымъ, идеальное съ реальнымъ? Да, отвѣчаетъ онъ, тожество противоположностей есть тайна всеобщаго прогресса. Всякій прогрессъ есть эволюція, движеніе есть реализированное противорѣчіе. Эволюція мысли черезъ противоположное абсолютно тожественна съ эволюціей бытія: бытіе только въ мысли и реальное только въ разумѣ. Наука о

мысли, т. е. логика, составляетъ одно цѣлое съ наукою о бытіи, или метафизикою. Категоріи и законы мысли не только пустыя внутри формы, нѣтъ! эти формы могутъ измѣнять свой видъ, дѣйствительность можетъ быть влита въ эти фомы, но никогда не можетъ быть заключена къ нихъ.

Есть двѣ логики; одна говоритъ, что вещь не можетъ быть въ одно время сама собой и противоположной себѣ, но есть и другая абсолютная логика, которая есть дѣятельное раскрытіе жизни, она не подчинена принципу противорѣчія, и основывается на тожествѣ противорѣчій. Развѣ не нужно, чтобы въ концѣ концовъ, въ глубинѣ мысли противоположное явилось гармоніей и множество единствомъ? Все, что заключено въ свою раму, какъ наши отвлеченныя идеи, исключающія одна другую, инертно, безплодно, все, что движется, измѣняется, прогрессируетъ, все что дѣлается чѣмъ нибудь, чтобы потомъ сдѣлаться другимъ — живо и плодотворно.

Отвлеченное понятіе «свѣтъ» исключаетъ отвлеченное же понятіе «тьма», но реальный свѣтъ не только не исключаетъ темноты, но предполагаетъ ее: нѣтъ свѣта безъ мрака, проявляющаго его въ видѣ цвѣта; нѣтъ мрака безъ свѣта, который и позволяетъ различить ихъ.

Эволюція мысли и бытія имѣетъ извѣстную мѣрность, представляющую выраженіе или символъ абсолютнаго разума: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ. Идея укладывается сперва въ извѣстную форму: чистый свѣтъ; затѣмъ немедленно вызываетъ противоположную: чистая тьма. Тезисъ и антитезисъ вызываютъ синтезисъ: цвѣтъ единственная видимая и реальная вещь, ибо въ дѣйствительности нѣтъ ни чистаго свѣта ни чистой тьмы, а лишь цвѣта.

Если двигаться обратно, чтобы дойти до точки отправленія такой эволюціи, то основнымъ понятіемъ окажется чистое бытіе, ибо всякое другое непремѣнно будетъ вызывать противоположность себѣ. Быть и не быть — абстракты, реальность заключается лишь въ понятіи «становиться».

Вотъ главныя основы ученія Гегеля, я нарочно остановился на нихъ нѣсколько подробнѣе, ибо это ученіе, произвело глубокое впечатлѣніе на Бѣлинскаго и объясняетъ намъ всю его внутреннюю жизнь. Бѣлинскій, по словамъ Протопопова [1]), самолично продѣлалъ весь умственный прогрессъ, согласно Гегелевскому ученію. Въ умѣ Бѣлинскаго этотъ прогрессъ произошелъ такъ: въ двадцатыхъ годахъ Бѣлинскій проповѣдовалъ общую человѣческую мораль, въ тридцатыхъ—проповѣдовалъ разумность всего существующаго, а значитъ и противоположнаго морали, въ сороковыхъ Бѣлинскій — дѣятель, дающій поддержку лишь тому, что не только необходимо, но и нравственно справедливо.

III.

Скучно и сѣро было дѣтство В. Г. Бѣлинскаго. Напрасно нѣкоторые, какъ напр. г. Протопоповъ, хотятъ опровергнуть это. Къ какимъ страннымъ натяжкамъ приходится прибѣгать, чтобы фантазіей своей раскрасить эту блѣдную картину! Неужели сравненія худого съ еще худшимъ могутъ заставить насъ признать это худое хорошимъ? Неужели изъ того, что дѣтство Помяловскаго или Рѣшетникова было безотраднѣе дѣтства Бѣлинскаго, можно вывести, что оно было хорошо и благопріятно для его развитія? Мы болѣе склонны думать, что французская поговорка: «Comparaison n'est pas raison» заключаетъ въ себѣ истину неоспоримую, и что факты всегда останутся фактами. Впрочемъ постараемся познакомить читателя съ условіями дѣтства Бѣлинскаго, и предоставимъ ему право и возможность совершенно безпристрастно согласиться съ нами или отвергнуть нашу мысль.

[1]) В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и произведенія. Спб., 1894. Подробности о о жизни Бѣлинскаго, приведенныя на послѣдующихъ страницахъ нашей статьи взяты нами изъ соч. Пыпина: «Бѣлинскій его жизнь и переписка.

Въ концѣ прошлаго вѣка въ селѣ Бѣлыни, Нижнеломовскаго уѣзда Пензенской губерніи, глубокимъ уваженіемъ прихожанъ пользовался благочестивый священникъ о. Никифоръ. Между другими дѣтьми о. Никифора былъ и Григорій Никифоровичъ, отецъ Виссаріона Григорьевича. Григорій Никифоровичъ былъ отданъ отцемъ въ Пензенскую семинарію, гдѣ ему и была дана фамилія Бѣлинскій. Въ старину въ семинаріи было въ обычаѣ давать не имѣющимъ никакого прозвища воспитанникамъ ту или иную фамилію, основанную или на названіи села, гдѣ родился воспитанникъ, или даже на основаніи какого либо другого, хотя бы даже и совершенно случайнаго, обстоятельства. Такого происхожденія большинство фамилій нашего духовенства. По окончаніи курса въ семинаріи Григорій Никифоровичъ вообще, повидимому, отличавшійся умомъ и способностями, поступилъ въ Петербургскую медицинскую академію. По окончаніи курса молодой врачъ былъ назначенъ лѣкаремъ въ Балтійскій флотъ. Во время стоянки въ Кронштадтѣ Григорій Никифоровичъ женился на дочери одного флотскаго офицера, «безкорыстно отдавшись, по словамъ г-жи Щ. [1]) женскому кокетству».

Укажемъ здѣсь же и весьма небезынтересную для насъ вѣроятную характеристику родителей Виссаріона Григорьевича. Позднѣе родственникъ ихъ Ивановъ въ одномъ изъ писемъ 1834 г. такъ отзывается о Григоріи Никифоровичѣ: «Дѣдушка—человѣкъ благороднѣйшій въ высшей степени, съ чувствами высокими, рожденный съ отличными способностями... Я часто былъ свидѣтелемъ благороднѣйшихъ поступковъ его, которые восхищали меня и въ минуту разсѣивали всѣ мои противъ него предубѣжденія».

Мать Бѣлинскаго была, по словамъ лицъ, знавшихъ ее, женщина добрая, но мало развитая, раздражительная, своевольно необузданная и ворчливая, все образованіе ея сводилось къ посредственному знанію грамоты.

---

[1]) «Русскій» изд. Погодина, 1868 г.

Въ 1810 г. въ маѣ мѣсяцѣ, во время стоянки флотскаго экипажа въ Свеаборгѣ, у Григорья Никифоровича родился сынъ, получившій при крещеніи имя Виссаріонъ. Черезъ 6 лѣтъ послѣ этого Григорій Никифоровичъ перевелся на службу въ родную ему Пензенскую губернію въ гор. Чембаръ уѣзднымъ врачемъ. Здѣсь онъ попалъ въ сферу мелкой захолустной жизни нашей провинціи. Стоя по своему развитію гораздо выше интересовъ этой жизни, Григорій Никифоровичъ не поладилъ съ мѣстнымъ обществомъ, сталъ держаться особнякомъ отъ него, преслѣдовать его своими колкими насмѣшками. Семейная жизнь складывалась тоже все неблагопріятнѣе для Григорія Никифоровича. Матеріальные достатки стали уменьшаться ежегодно, послѣ чего все общество перестало приглашать уѣзднаго врача, пользуясь услугами сосѣднихъ врачей, между тѣмъ жена не могла примириться съ этимъ, въ глазахъ этой офицерской дочки мужъ-поповичъ только и могъ быть рабочей силой для добыванія денегъ. Мало по малу подъ вліяніемъ этихъ условій жизни прежній работникъ сталъ все чаще и чаще опускать руки, пока наконецъ, по русскому обычаю, не началъ искать утѣшенія въ «синемъ кувшинѣ». Опускаясь все глубже и глубже въ бездну этого порока, отнявшаго у насъ столько талантливыхъ людей, Григорій Никифоровичъ сталъ дѣлаться раздражительнѣе, часто заводилъ дома ссоры и брани. Въ одну такую буйную минуту онъ ударилъ Виссаріона такъ сильно, что онъ упалъ. Мальчикъ всталъ съ пола не такимъ, какимъ упалъ: глубокое оскорбленіе и обида разъ на всегда проникли въ его сердце. Вотъ въ такихъ то условіяхъ и протекала жизнь Виссоріона Григорьевича. Грамотѣ онъ выучился не дома, а у профессіональной учительницы г-жи Цыпровской. Затѣмъ Бѣлинскій продолжалъ свое образованіе въ уѣздномъ училищѣ. Сперва здѣсь преподаваніе всѣхъ предметовъ находилось въ рукахъ одного смотрителя, но скоро къ этому единственному преподавателю прибавилось еще двое: учитель закона Божьяго, соборный протоіерей, и учитель русскаго языка. Учителя, особенно препо-

даватель русскаго языка, были большіе приверженцы теоріи *вбиванія* науки въ юношей и не были, по выраженію Пушкинскаго М-г Бопре, врагами бутылки. Иногда учителя совершенно забывали о необходимости давать уроки, и тогда все училище шло на рѣку купаться. Но несмотря на эти печальныя стороны, училище имѣло и свои достоинства: добрый и кроткій смотритель совершенно вывелъ въ своей школѣ систему зазубриванія и старался пробудить въ своихъ ученикахъ любознательность и интересъ къ наукѣ. «Меня пріятно изумило, говоритъ Лажечниковъ, бывшій тогда директоромъ училищъ Пензенской губерніи, и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ... Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое».

Виссаріонъ Григорьевичъ подъ руководствомъ такого гуманнаго и разумнаго преподавателя успѣлъ развить свои природныя способности и обогатить свой умъ знаніями. На экзаменѣ онъ поразилъ своими отвѣтами директора училищъ Лажечникова и былъ названъ имъ «ястребкомъ» за свою способность, какъ ястребъ на добычу, налетать на предложенные вопросы и быстро одолѣвать ихъ трудности. Потребовавъ какую-то книжку изъ продажной библіотеки и собственноручно надписавъ ее, Лажечниковъ передалъ этотъ подарокъ Бѣлинскому. «Мальчикъ, замѣчаетъ онъ по этому поводу, принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ мальчиковъ».

Въ августѣ 1825 года Бѣлинскій перешелъ въ Пензенскую гимназію. Эта гимназія мало отличалась по своему характеру отъ общаго типа гимназій того времени. Наряду съ безпорядками, вродѣ такъ называемаго, погребенія «кота мышами», состоявшаго въ томъ, что ученики выносили изъ класса на рукахъ хмельного учителя, она могла похвалиться

большинствомъ своего педагогическаго персонала. Такъ среди учителей былъ М. М. Поповъ, преподававшій естествовѣдѣніе, но сильно увлекавшійся литературою. Этотъ учитель полюбилъ своего даровитаго ученика, и, несомнѣнно, частыя его бесѣды съ Бѣлинскимъ не могли не принести большой пользы сильному, но еще въ то время мало развитому уму будущаго писателя.

Первое знакомство съ нѣмецкою и вообще съ западной философіей было почерпнуто Бѣлинскимъ изъ статей Полевого и Надежина, которыя помѣщались въ тогдашнихъ журналахъ. Эти журналы давалъ Бѣлинскому все тотъ же М. М. Поповъ. Самъ Виссаріонъ Григорьевичъ всю свою жизнь сохранилъ глубокое уваженіе къ своему старшему другу — учителю. Въ 1839 г. въ письмѣ Панаеву, Бѣлинскій отозвался о своемъ бывшемъ учителѣ, какъ о человѣкѣ «который во время оно много сдѣлалъ для него и живая память о которомъ никогда не изгладится изъ его сердца» [1]). Вообще уже одинъ такой педагогъ, какъ М. М. Поповъ, могъ бы составить славу гимназіи, но не были плохи и еще нѣсколько учителей: математики Ляпуновъ, Протопоповъ, латинскаго яз. — Димитревскій; даже преподаватель грамматики, реторики и логики—Яблонскій дѣлалъ все, что могъ. Будучи самъ воспитанъ въ сферѣ схоластическихъ теорій прежней реторики, преподавая свой предметъ по руководству Кошанскаго, которое было въ употребленіи до 50-хъ годовъ, этотъ учитель не былъ виноватъ, если вызвалъ въ своемъ ученикѣ вмѣсто любви къ предмету, такой взглядъ на него: «Всякая риторика есть наука вздорная, пустая, педантская, остатокъ варварскихъ схоластическихъ временъ» [2]). Польза, принесенная преподаваніемъ Яблонскаго, заключалась какъ бы въ томъ, что онъ

---

[1]) См. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. 1, ст. 30, примѣчаніе.

[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. X, стр. 29.

всесилъ своему ученику ненависть къ мертвому схоластизму. Однако такое преподаванiе всетаки мало привлекло къ себѣ Бѣлинскаго. Онъ мало посѣщалъ гимназiю; все свободное время употреблялъ на чтенiе журналовъ и серьезныхъ книгъ. Было и еще одно любимое занятiе Бѣлинскаго, для котораго онъ даже часто долженъ былъ отказывать себѣ во многомъ и даже дѣлать займы, это было посѣщенiе театра, содержавшагося тогда въ Пензѣ помѣщикомъ Гладковымъ. Еще въ 1834 г. въ своихъ «Литературныхъ мечтанiяхъ» онъ говоритъ: «Любите-ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т. е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузiазмомъ, со всѣмъ изступленiемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣнiй изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра болѣе всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянiя, всѣ обольщенiя изящныхъ искусствъ?...»

Къ тому же въ 1828 г., въ голову Бѣлинскаго западаетъ идея поступить въ университетъ, что, по отзывамъ его старшихъ, уже прошедшихъ этотъ искусъ товарищей, не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненiй. Единственное горе заключалось въ томъ, что для поступленiя на словесный факультетъ нужно было сдать экзаменъ по греческому языку, который тогда въ гимназiяхъ не преподавался. Но и это затрудненiе удалось побѣдить: два земляка семинариста, съ которыми Бѣлинскiй жилъ на одномъ дворѣ, оказали ему необходимую помощь.

Всѣ эти постороннiя занятiя привели къ тому, что 1829 г. въ февралѣ, Бѣлинскiй былъ исключенъ изъ гимназiи за непосѣщенiе классовъ. Однако время обученiя въ гимназiи играло большую роль въ развитiи ума и способностей Виссарiона Григорьевича. Спокойная жизнь, вдали отъ печальной семейной обстановки, сытный, вполнѣ достаточный столъ, возможность получить книги и журналы, люди, съ которыми было можно

подѣлиться интересными литературными новостями, поспорить о томъ или другомъ интересномъ вопросѣ — вотъ, что давало Бѣлинскому его пребываніе въ гимназіи. Мнѣніе о томъ, что это время слишкомъ было стѣснительно для Виссаріона Григорьевича въ матеріальномъ отношеніи, повидимому, не находитъ себѣ никакого основанія: не было роскоши, но не было и нужды. Такое мнѣніе составилось, вѣроятно, потому, что Бѣлинскій ходилъ тогда въ нагольномъ тулупѣ, что на одеждѣ его часто были незаштопанныя прорѣхи, но это не бѣдность, а просто отсутствіе интереса къ собственному костюму и отсутствіе женскаго глаза.

IV.

22-го Августа 1829 года В. Г. Бѣлинскій прибылъ съ большими денежными затрудненіями въ Москву съ цѣлью поступить въ Университетъ. Это поступленіе, какъ онъ самъ выразился нѣсколько позднѣе, должно было оправдать его передъ родителями, конечно, огорченными столь печальнымъ удаленіемъ ихъ сына изъ гимназіи. Уѣзжая изъ Чембара, будущій студентъ не захватилъ съ собою документовъ, и это обстоятельство чуть было много не повредило ему. Прежде всего, доступъ въ Университетъ былъ безъ нихъ невозможенъ, а потомъ, наконецъ, и самое пребываніе въ Москвѣ становилось затруднительнымъ. Только послѣ многихъ просьбъ и хлопотъ метрическое свидѣтельство было наконецъ выслано 11-го Сентября, послѣ чего 19-го Виссаріонъ Григорьевичъ держалъ экзаменъ, а 21-го получилъ табель. Вступленіе на словесный факультетъ Московскаго Университета чуть было не вскружило головы молодому студенту. «Ежели не умѣли меня цѣнить въ Чембарѣ», пишетъ онъ: «то оцѣнили въ Москвѣ; я думаю, всѣмъ вѣстимо, что между Чембаромъ и Москвою есть небольшая разница».

Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти удачи, матеріальное положеніе Бѣлинскаго все ухудшалось, ибо деньги, захваченныя изъ дому, выходили, новыхъ доходовъ не было, а расходы, хотя бы на форменную одежду, были. 25-го сентября Виссаріонъ Григорьевичъ подалъ прошеніе о принятіи его на казенный коштъ, но рѣшенія этого вопроса нельзя было ожидать ранѣе Рождества. Вынужденный этою крайностью, Бѣлинскій написалъ домой, прося выслать ему денегъ. Родители исполнили его просьбу, но не упустили случая и кольнуть его за это одолженіе. Вообще письма Виссаріона Григорьевича къ родителямъ за первое время его пребыванія въ Москвѣ носятъ далеко не мирный характеръ: опишетъ ли онъ посѣщеніе музея, или библіотеки, или игру Мочалова и Щепкина, дома никогда не раздѣляли ни его восторговъ, ни его увлеченій, оттуда приходили лишь совѣты въ родѣ этого, что «лучше ходить по Московскимъ церквамъ, чѣмъ по театрамъ».

Наконецъ исполнилась мечта юнаго студента: онъ былъ принятъ на казенный счетъ. Послѣ всей испытанной крайности это новое положеніе показалось ему раемъ; комфортъ окружившій его, былъ очевидно въ диковинку ему. «Нумера наши, съ восхищеніемъ пишетъ онъ домой, отлично хороши; полы *крашеные*, окна большія,чистота и опрятность необыкновенныя. Столы *покрываются скатертями*, и для *всякаго студента особый приборъ*».

Лѣтомъ 1830 г. Виссаріонъ Григорьевичъ сталъ скучать о своихъ родныхъ, о своемъ родномъ Чембарѣ; эту мысль выражалъ онъ въ письмахъ домой, но встрѣтилъ весьма мало сочувствія: ему писали, что если ему такъ хочется пріѣхать домой, то пусть онъ самъ и позаботится достать необходимыя для этого средства. Однако эта поѣздка все же состоялась. Но въ это самое время счастливаго пребыванія въ родномъ городкѣ, въ Москвѣ Бѣлинскому готовилось весьма грустное обстоятельство: въ іюнѣ 1810 г. мѣсто прежняго инспектора Перевощикова занялъ Щепкинъ, и все блаженство пребыва-

нія на казенномъ коштѣ исчезло какъ бы по мановенію волшебнаго жезла: порядокъ жизни студентовъ измѣнился, помѣщеніе ихъ было стѣснено, кормить ихъ стали «падалью», какъ выразился въ своихъ письмахъ Бѣлинскій. Одновременно съ этимъ начинаются у Виссаріона Григорьевича и первыя столкновенія съ начальствомъ: дѣло началась съ того, что онъ опоздалъ возвратиться къ назначенному сроку, за что ректоръ приказалъ инспектору «замѣтить этого молодца, ибо при первомъ случаѣ его надобно выгнать». Не смотря на эти тяжелыя обстоятельства, Бѣлинскій, кромѣ другихъ занятій, началъ заниматься и литературою. Въ это время имъ была написана трагедія. Содержаніе этой трагедіи, по разсказу секретаря «студенческихъ литературныхъ вечеровъ», на которыхъ юный авторъ впервые прочиталъ свое произведеніе, было таково [1]: Герой пьесы Владиміръ—незаконный сынъ помѣщика, богатаго барина, родился, въ семьѣ его крѣпостного крестьянина. Этотъ крестьянинъ умеръ, засѣченный бариномъ, который, чтобы нѣсколько загладить ужасное дѣло, взялъ Владиміра къ себѣ. Владиміръ отличался пылкимъ нравомъ и талантами, отецъ ставилъ его въ примѣръ своимъ барченкамъ—сыновьямъ, и редпочтеніе это возбудило въ нихъ сильную злобу. Герой пьесы полюбилъ дѣвушку, но въ этой любви соперникомъ ему явился одинъ изъ братьевъ. Отецъ умираетъ, не успѣвъ дать вольной своему назаконному сыну; онъ достается по наслѣдству своему сопернику въ любви. Новый баринъ, чтобы унизить и оскорбить его, велитъ ему служить за своимъ столомъ. Здѣсь, за столомъ, Владиміръ убиваетъ его.

На свою трагедію Бѣлинскій возлагалъ много надеждъ: онъ хотѣлъ «разжиться черезъ нее казною, и употребить оную на то, чтобы сорваться съ казеннаго кошта, который такъ сладокъ, что при одномъ воспоминаніи объономъ текутъ изъ глазъ не водяныя, а кровавыя слезы!»

[1] Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. I, стр. 54.

Трагедія была авторомъ представлена въ цензурный комитетъ, но такъ какъ тогда цензурная власть соединялась съ университетомъ, то и сочиненіе Бѣлинскаго попало для рецензіи въ руки Цвѣтаева, заслуженнаго профессора, статскаго совѣтника и кавалера. «Цвѣтаевъ въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, разсказывалъ Виссаріонъ Григорьевичъ, расхвалилъ мое сочиненіе и мой талантъ, какъ нельзя лучше, но оно было признано безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ и о немъ составили журналъ!.. Ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особыя донесенія». Это событіе сильно подѣйствовало на молодого автора и чуть было не убило въ немъ всякой энергіи «Теперь, заканчиваетъ онъ свое письмо, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно опустился: все равно, вотъ девизъ мой».

Такое мрачное настроеніе духа не было однако продолжительно, и скоро авторъ даже начинаетъ радоваться, что его литературное дѣтище не увидало свѣта.

Между тѣмъ университетская жизнь шла своимъ порядкомъ. Однако Бѣлинскаго эта жизнь мало занимала. Чтобы понять это, повидимому, столь необыкновенное явленіе, нужно только поглубже вглядѣться въ эту жизнь, въ этихъ профессоровъ, и намъ станетъ понятнымъ отношеніе молодого пытливаго ума къ этой, съ позволенія сказать, наукѣ.

Московскій Университетъ доживалъ еще свой архаическій періодъ, въ его стѣнахъ было еще много патріархальныхъ профессоровъ, сыновей XVIII в., и часто эти профессора переносили свой патріархальный взглядъ и на науку. Чтобы дать читателю полное представленіе и объ этихъ патріархахъ-профессорахъ и объ этой «наукѣ», приводимъ слѣдующій разсказъ одного изъ тогдашнихъ воспитанниковъ Университета[1]). «Въ мое время едва ли не на каждой лекціи Побѣдоносцева (профессоръ словесности) на первомъ курсѣ повторя-

[1]) Пыпинъ, стр. 63, т. I.

лось слѣдующее. Обычный шумъ (господствовавшій въ его аудиторіи) на минуту прекращался, и водворялась глубокая тишина; преподаватель нашъ, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать намъ что-нибудь о Ломоносовѣ (причемъ онъ говорилъ всегда, что и въ солнцѣ есть пятна, и у Ломоносова есть недостатки), или о хріи простой и извращенной; но тишина эта была самая коварная, раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка или другой какой-нибудь танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣньи; музыка умолкала, и за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ... Трудно повѣрить, что подобныя продѣлки повторялись безчисленное множество разъ».

Живой, жаждавшій познаній умъ студента Бѣлинскаго, чуждый всякой схоластикѣ, очевидно, не могъ удовлетворяться подобной наукой, подобными учеными дѣятелями. Это доводило его иной разъ до весьма непріятныхъ и рѣзкихъ выходокъ противъ профессоровъ. Тѣ смотрѣли на него, какъ на неразвитаго студента, относились къ нему съ презрѣніемъ. Но горько пришлось потомъ Бѣлинскому заплатить за эти проявленія своего прямого характера, своей живой натуры. Было бы однако несправеєливо за этими темными сторонами тогдашняго университета не видѣть его свѣтлыхъ сторонъ. Къ числу этихъ послѣднихъ нужно отнести университетское товарищество: это были молодые люди, соединенные во имя высшихъ стремленій, во имя науки, и пребываніе среди нихъ не могло не принести человѣку пользы, не могло хотя временно не расшевелить его ума, его пытливости къ научнымъ вопросамъ. Затѣмъ и среди профессоровъ были лица, которые не представляли собою запоздалыхъ типовъ дѣятелей науки XVIII столѣтія, которые умѣли будить въ своихъ слушателяхъ интересъ къ своему предмету. Таковы были напр. М. Г. Павловъ, Надеждинъ и др. Особенно сильное вліяніе на Бѣлинскаго имѣли блестящія лекціи Надеждина.

Упомянутыя выше стычки съ профессорами и авторство трагедіи и привели наконецъ Бѣлинскаго къ печальному концу, къ исключенію изъ университета. Начальство было такъ возстановлено Бѣлинскимъ противъ него, что ему даже не оставили послѣ исключенія казеннаго платья. Между тѣмъ матеріальное положеніе Виссаріона Григорьевича, оказавшагося теперь безъ всякихъ средствъ къ существованію, было дѣйствительно ужасно. Эти тяжелыя условія жизни, эти нравственныя муки, чувство несправедливо оскорбленнаго самолюбія доводили Бѣлинскаго до отчаянія. О такомъ тяжеломъ нравственномъ состояніи лучше всего можетъ свидѣтельствовать начало письма, писаннаго Виссаріономъ Григорьевичемъ матери, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ исключенія.

«Давно уже не писалъ я вамъ; не знаю, въ хорошую или въ худую сторону толкуете вы мое молчаніе. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ я желалъ бы не умѣть ни читать, ни писать, ни даже понимать, чувствовать, жить!» писалъ онъ.

Оказавшись въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ, Бѣлинскій думалъ было заняться переводами и ими заработать себѣ хотя бы скудныя средства, но и тутъ на первыхъ порахъ его ожиданія не оправдались, и ему приходилось постоянно разочаровываться въ матеріальномъ результатѣ своихъ работъ, пока наконецъ, Надеждинъ не далъ ему постоянной работы, какъ переводчику для своего журнала.

Такъ дѣло продолжалось до 1834-го г., т. е. до появленія въ свѣтъ перваго серьезнаго самостоятельнаго произведенія Бѣлинскаго: «Литературныя мечтанія», которое сразу выдвинуло имя своего автора изъ ряда, такъ сказать, зауряд-писателей. «Литературныя мечтанія», элегія въ прозѣ, обнаружили въ молодомъ авторѣ серьезное знакомство съ русскими писателями, и его новый, впервые тогда высказанный, самостоятельный взглядъ, что у русскихъ были писатели, но нѣтъ и не было литературы. Эта элегія однако не проникнута до конца грустнымъ чувствомъ, она оканчивается свѣтлымъ аккордомъ,

надеждою, что лишь только завершится окончательное образованіе нашего общества, а оно уже близко, у насъ явится литература «въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена для будущаго! И они взойдутъ и расцвѣтутъ, расцвѣтутъ пышно и великолѣпно, по гласу чадолюбивыхъ монарховъ! И тогда будемъ мы имѣть свою литературу, явимся не подражателями, а соперниками Европейцевъ»... Послѣ этого у Бѣлинскаго уже начинаютъ завязываться знакомства, и жизнь его становиться краснѣе и приглядпѣе. Такъ, Лажечниковъ, съ дѣтства, еще въ Чембарѣ, знавшій Бѣлинскаго, скоро рекомендовалъ его старику А. М. П-кому, который не имѣя таланта, имѣлъ желаніе печатать и искалъ человѣка для поправленія и отдѣлки своихъ статей.

Теперь Виссаріонъ Григорьевичъ, по словамъ Лажечникова, «водворенъ въ аристократическомъ домѣ, пользуется не только чистымъ, но даже ароматическимъ воздухомъ, имѣетъ прислугу, которая летаетъ по его мановенію, имѣетъ хорошій столъ, отличныя вина, слушаетъ музыку разныхъ европейскихъ знаменитостей, располагаетъ огромной библіотекой, будто собственной, словомъ, катается, какъ сыръ въ маслѣ». Но эта роскошь обстановки не могла очаровать Бѣлинскаго, не могла приковать его къ себѣ; его честная натура не шла ни на какіе компромиссы, купить его убѣжденіе было невозможно, и разъ узнавъ, что тутъ нужно было льстить авторскому самолюбію П-кова, писавшему подъ псевдонимомъ Дормидонта Прутикова, Виссаріонъ Григорьевичъ оставляетъ его домъ. Когда Прутиковъ несмотря на неоднократныя убѣжденія Бѣлинскаго, выступилъ въ печати, онъ въ своей рецензіи говоритъ между прочимъ: [1]) «Вы доказываете, что не должно пьянствовать, клеветать на ближняго, оплошно управлять имѣніемъ и проч. Это истины неоспоримыя, и мы отъ души бы поблагодарили васъ, если бы не выучили ихъ наизусть въ на-

[1]) Соч. II т., 204 стр.

нихъ азбукахъ и прописяхъ, по которымъ учились въ дѣтствѣ читать и писать. Жаль, что между этими намъ полезными истинами вы пропустили одну, и очень важную, а именно ту, что не должно писать и издавать книгъ, не выучившись грамотѣ и не умѣя порядочно выразиться на отечественномъ языкѣ». Такимъ образомъ, Бѣлинскій, несмотря на страхъ оказаться опять на улицѣ почти безъ гроша денегъ, жить гдѣ либо рядомъ съ прачешной, какъ приходилось ему ранѣе, и вѣчно вдыхать ароматъ ея, не пожертвовалъ своими убѣжденіями, не искалъ лестью улучшить свое положеніе, а смѣло пошелъ борцомъ за истину, смѣло обличилъ ложь и обманъ. И такова всегда была его натура, многимъ казавшаяся странною: таковъ былъ «неистовый Виссаріонъ».

V.

«Литературныя мечтанія» были первою статьею, съ которою Бѣлинскій серьезно выступилъ на литературное поприще. Она произвела огромное впечатлѣніе на всю читающую публику и впервые ясно и опредѣленно показала, съ какими взглядами выступилъ новый критикъ на поприщѣ писательской дѣятельности. Вотъ по какой причинѣ мы считаемъ долгомъ остановиться на ней нѣсколько больше и въ краткихъ чертахъ напомнить нашимъ читателямъ ея содержаніе.

Въ началѣ «Мечтаній» авторъ проводитъ мысль, что въ нашей литературѣ совершился какой-то крупный переломъ: исчезли у насъ таланты, ихъ мѣста заняли Кукольникъ, Тимоѳеевъ, Ершовъ, Брамбеусъ, Булгаринъ и т. п., которымъ до прежнихъ талантовъ, до нашихъ Байроновъ, Шекспировъ, Шиллеровъ, Вальтеръ-Скоттовъ «какъ до звѣзды небесной далеко». «Какая-же причина этого?» спрашиваетъ авторъ. «Или и въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ литературы?» Но для этого нужно прежде всего рѣшить вопросъ, что нужно

разумѣть подъ именемъ литературы. Указавъ нѣсколько опредѣленій этого понятія, Бѣлинскій останавливается на слѣдующемъ. «Литературою называется созданіе такого рода художественныхъ словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ (хотя и неусловимыхъ) усилій людей, созданныхъ для искусства, дышащихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполнѣ выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнью котораго они живутъ и воздухомъ котораго дышатъ, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній».

Чтобы рѣшить, есть-ли у насъ такая литература, нужно бросить взглядъ на ходъ нашей литературы.

Существуютъ два взгляда на писателей: одинъ говоритъ, что литература есть выраженіе жизни общества, хотя подъ это опредѣленіе подходитъ, пожалуй, только одна французская литература, ибо писатели—выразители духа народнаго, а этотъ духъ только у однихъ французовъ и выражается въ обществѣ: другой говоритъ, что «поэтъ долженъ» поставить читателя на такую точку зрѣнія, чтобы ему видна была вся природа въ сокращеніи, въ миніатюрѣ, какъ земной шаръ на ландкартѣ, чтобы дать ему почувствовать вѣяніе, дыханіе этой жизни, которая одушевляетъ вселенную, сообщить его душѣ этотъ огонь, который согрѣваетъ ее».

Нужно рѣшить вопросъ, выраженіемъ чего служитъ наша литература? Общества или духа народа? У насъ общество вслѣдствіе хода нашей исторической жизни оторвано отъ народа.

Царствованіе Петра оглашалось лишь одпѣми проповѣдями, о нихъ авторъ не берется судить, ибо считаетъ себя плохимъ знатокомъ памятниковъ нашего духовнаго краснорѣчія. Кантеміръ врядъ-ли былъ поэтомъ, ибо забытъ теперь. Тредьяковскій былъ рожденъ для плуга или топора, а судьба вдругъ вырядила его во фракъ; въ немъ не было ни ума, ни чувства, ни

таланта. Только съ великаго и ознаменованнаго печатью генія отца и пѣстуна нашей литературы нужно считать ея начало. Для полной оцѣнки Ломоносова нужно было много свѣдѣній, опытности, труда и времени. Если Ломоносовъ многимъ кажется великимъ ученымъ, но не поэтомъ, то на это мнѣніе нужно смотрѣть только какъ на недоразумѣніе; его оды слишкомъ искусственно построены, слишкомъ въ нихъ просвѣчиваетъ система, порядокъ, вотъ почему онѣ кажутся намъ сухими, но истинный удѣлъ Ломоносова — это была лирика, и его лирическія произведенія стройны, высоки, величественны... Но за то Сумароковъ, наоборотъ, не обнаружилъ вовсе поэтическаго таланта. Съ именемъ его связано начало нашего театра, но можно-ли быть ему благодарнымъ въ такой степени, какъ думаютъ наши словесники, вѣдь и Тредьяковскій былъ отцемъ нашей эпопеи!

Отличительною чертою царствованія Императрицы Екатерины II была народность, потому что эта великая жена умѣла сродниться съ духомъ русскаго народа. И какъ удивительно было общество того времени! «Безбожье и изуверство, грубость и утонченность, матеріализмъ и набожность, страсть къ новизнѣ и упорный фанатизмъ къ старинѣ, пиры и побѣды, роскошь и довольство, забавы и геркулесовскіе подвиги, великіе умы, великіе характеры всѣхъ цвѣтовъ и образовъ и, между ними, Недоросли, Простаковы, Тарасы Скотинины и Бригадиры»... Это общество отразилось въ литературѣ. Державинъ былъ выразителемъ могущества, славы и счастія Руси, Фонъ-Визинъ со своими каррикатурами выразителемъ образа мыслей образованнѣйшаго класса людей тогдашняго времени. Красоты созданій Державина неисчислимы, это былъ поэтъ оригинальный, русскій, хотя и безсознательно, хотя только благодаря своему невѣжеству. Дай ему ученость Ломоносова — и прощай поэтъ, ибо тогда изъ подъ пера его выходили бы лишь трагедіи да эпопеи. Гораздо ниже по своему поэтическому таланту стоитъ фонъ-Визинъ: его дураки смѣшны и отврати-

тельны, но только потому, что они не созданы фантазіей, а вѣрная копія дѣйствительности.

Слава Богдановича, которымъ восхищались такъ его современники, основана лишь на томъ, что среди грома, трескотни пышныхъ словъ и фразъ, среди монологовъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ онъ вдругъ заговорилъ простою и умною рѣчью. Другими геніями Екатерининской эпохи были: Хемницеръ, котораго современники не сумѣли оцѣнить, Херасковъ, умно благонамѣренный, но современно забытый теперь писатель, Петровъ, замѣнившій отсутствіе таланта напыщеннымъ и варварскимъ языкомъ, Княжнинъ, трудолюбивый, но безталантный писатель, хорошіе по тому времени версификаторы Костровъ и Бобровъ, Поповскій, порядочный стихотворецъ и прозаикъ того времени Майковъ, распространитель дурного вкуса Шаховской, Аблесимовъ, написавшій среди плохихъ драмъ одинъ прекрасный народный водевиль «Мельникъ», Рубанъ, которому безсмертіе досталось очень дешево, Нелединскій, въ которомъ сквозь сантиментальность временами проглядывало чувство и талантъ, Ефимовъ и Плавильщиковъ, теперь совершенно забытые драматурги, и, наконецъ, Новиковъ, этотъ необыкновенный и великій человѣкъ, имя котораго, хотя-бы по наслышкѣ, навѣрно извѣстно всякому.

Наступилъ вѣкъ Александра Благословеннаго. «Это была жизнь безпечная и веселая, гордая настоящимъ, полная надеждъ на будущее. Этотъ вѣкъ встрѣтили и считались его украшеніемъ Карамзинъ и Дмитріевъ. Первый изъ нихъ отмѣтилъ своимъ именемъ цѣлую эпоху нашей литературы. Имя его безсмертно, но сочиненія его, кромѣ «Исторіи», уже умерли и никогда не воскреснутъ. Поэтическое дарованіе Дмитріева, преобразователя нашего стихотворнаго языка, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Крыловъ довелъ басню, столь сродную нашему народному духу, любящему всякія побасенки и примѣненія, до nec plus ultra совершенства.

Озеровъ былъ у насъ первымъ драматическимъ писателемъ съ истиннымъ, хотя и не огромнымъ талантомъ.

Появленіе Жуковскаго поразило Россію. Онъ былъ истиннымъ Колумбомъ, ибо открылъ для нашего общества нѣмецкую и англійскую литературу. Кромѣ того, имъ было совершено преобразованіе нашего стихотворнаго языка, а въ прозѣ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ мелкими сочиненіями Карамзина.

Многое изъ сказаннаго о Жуковскомъ можно отнести и къ другому сообщнику этого поэта въ преобразованіи языка, хотя вообще по таланту стоявшему ниже Жуковскаго,—Батюшкову.

Замѣчательна была судьба Мерзлякова: онъ рожденъ быть практикомъ поэтомъ, а судьба сдѣлала его теоретикомъ; пламенное чувство влекло его къ пѣснямъ, а система заставила писать оды и переводить Тасса!...

Остается упомянуть о Капнистѣ, надѣлавшемъ много шума своею «Ябедою», которая есть не что иное, какъ фарсъ, написанный варварскимъ языкомъ, о Гнѣдичѣ и Милоновѣ, родившихся слишкомъ рано, чтобы ихъ могли оцѣнить по заслугамъ, о Воейковѣ, слывшемъ нѣкогда знаменитымъ, а теперь спустившемся до мелочныхъ восхваленій дорого платящаго авторамъ Смирдина да до перепечатки статей изъ «Молвы» за 1831 г., и о князѣ Вяземскомъ, одномъ изъ замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ и литераторовъ.

Вотъ, что было сдѣлано у насъ за цѣлый періодъ литературы, но настоящей литературы у насъ нѣтъ: пересаженные цвѣты не могутъ быть долговѣчны.

Наши журналы во весь этотъ періодъ—невинное препровожденіе времени или средство нажить денежку, ибо ни одинъ изъ нихъ не слѣдилъ ни за успѣхами просвѣщенія, ни за ходомъ человѣчества по стезѣ самосовершенствованія.

Послѣ карамзинскаго наступаетъ наконецъ пушкинскій періодъ. Пушкинъ владычествовалъ единственно силою своего

таланта и тѣмъ, что былъ сыномъ своего вѣка. Пушкинскій періодъ шелъ быстрыми шагами, и въ нашей литературѣ появилась наконецъ жизнь, тревожная, кипучая, дѣятельная. Теперь намъ пришлось пережить всю умственную жизнь Европы, эхо которой отдалось къ намъ черезъ Балтійское море. Отъ всего этого кипучаго десятилѣтія однако къ намъ дошелъ только Пушкинъ, потому что мы обо всемъ пересудили, обо всемъ переспорили, все усвоили себѣ, ничего не взрастивши, не взлелѣявши, не создавши сами.

Говоря о Пушкинѣ, нельзя перечислить всѣхъ красотъ его произведеній, какъ нельзя перечесть и описать всѣхъ деревьевъ Армидина сады. По послѣднимъ подвигомъ Пушкина былъ «Борисъ Годуновъ», послѣ него мы уже не узнаемъ нашего поэта: можетъ быть его нѣтъ, а можетъ быть онъ воскреснетъ.

Вмѣстѣ съ Пушкинымъ явилось множество талантовъ, отчасти уже забытыхъ, отчасти готовящихся быть забытыми. Сюда прежде всего нужно отнести Баратынскаго, человѣка съ поэтическимъ талантомъ, прежде черезчуръ возвышеннаго, а теперь уже слишкомъ униженнаго.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ пушкинскаго періода былъ Козловъ: грустное чувство, покорность, надежды на мздовоздаяніе за гробомъ — отличительная черта его стиховъ.

Языковъ и Давыдовъ нерѣдко срываютъ съ своихъ лиръ звуки сильные, громкіе и торжественные, нерѣдко трогаютъ выраженіемъ чувства живого и пламеннаго.

Подолинскій былъ талантомъ, не угадавшимъ своей дороги.

Глинка при всемъ своемъ талантѣ былъ слишкомъ односторонепъ: нравственность нравственностью, а вѣдь одно и тоже прискучитъ.

Произведенія Дельвига можно характеризовать лишь такъ: ихъ можно прочесть съ легкимъ удовольствіемъ, не больше.

Пушкинскій періодъ былъ вообще періодомъ стихотворства, но многіе изъ этихъ стихотворцевъ были совершенно бездарны,

а другіе, хотя и безспорно талантливые, принимали пылкость юности за тревогу вдохновенія, они не сумѣли стихъ гармоническій соединить съ глубокимъ и страдательнымъ чувствомъ.

Этотъ недостатокъ рѣшилъ исправить Шевыревъ. Произведенія его лиры обнаруживаютъ однако болѣе ума, чѣмъ изліяніе вдохновенія. Одинъ только Веневитиновъ обнималъ природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ. Справедливость не позволяетъ обойти молчаніемъ Полежаева. Это былъ талантъ, его произведенія дышатъ чувствомъ, но онъ есть жалкая жертва духа того времени, когда молодежь смотрѣла на жизнь, какъ на бурную оргію, а не какъ на тяжелый подвигъ.

Теперь нужно сказать о поэтѣ, непохожемъ ни на одного изъ упомянутыхъ выше, о Грибоѣдовѣ. Послѣ общихъ разсужденій о театрѣ, о видахъ драматической поэзіи Бѣлинскій кратко касается его безсмертной комедіи и находитъ ее произведеніемъ образцовымъ, геніальнымъ и не въ русской только литературѣ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору поэтовъ, писавшихъ прозою. Здѣсь прежде всего вниманіе его останавливается на нашихъ Вальтеръ-Скоттахъ: петербургскомъ — Булгаринѣ и московскомъ — Орловѣ.

О ихъ талантахъ отзывъ дѣлается довольно неблагосклонный: сочиненія одного вылощены, какъ полъ гостиной, а другого отзываются толкучимъ рынкомъ.

Почти одновременно съ Пушкинымъ выступилъ на литературное поприще Марлинскій. Въ немъ несомнѣнно присутствіе таланта, но онъ былъ бы гораздо выше, если бы былъ естественнѣе и менѣе натянутъ.

Вообще пушкинскій періодъ былъ самымъ цвѣтущимъ временемъ нашей словесности. Мы даже имѣли тогда, если не литературу, то хоть признакъ ея. Кто же явился нашимъ разочарователемъ? Никодимъ Аристарховичъ Надоумко [1])

[1]) Николай Ивановичъ Надеждинъ.

Тридцатымъ годомъ окончился пушкинскій періодъ. Старина пріѣлась, новаго же ничего нѣтъ. Журналы всѣ умерли. Причиною ихъ смерти, очевидно, было то обстоятельство, что они родились безъ всякой нужды, не имѣли ни силы, ни характера. Только 2 журнала были исключеніемъ: это «Вѣстникъ Европы», который оставался всегда самимъ собою и горою боролся за свои мнѣнія и вѣрованія, и «Московскій Вѣстникъ», который былъ полонъ дѣльными и умными статьями, но это была хорошая книга, а не журналъ.

Итакъ, наступилъ новый періодъ нашей литературы? Кто же его родоначальникъ? Никто: этотъ періодъ—эпоха междуцарствія. Наклонность къ прозѣ явилась его характерною чертою. Альфою и омегою этого новаго періода является народность. Что же такое народность въ литературѣ?—Отпечатокъ народной физіономіи, типъ народнаго духа и народной жизни. Наша національная физіономія больше всего сохранилась въ низшихъ слояхъ, и потому поэты наши народные всегда изображаютъ нравы черни. Но вѣдь чернь не составляетъ народа, и потому у насъ народность—почти мечта, она должна состоять только въ вѣрности изображенія картинъ русской жизни. Послѣдній періодъ былъ ознаменованъ появленіемъ Вельтмана и Лажечникова. У перваго такъ много таланта остроумія и чувства, что ему пора бы уже было поразить публику какимъ-либо крупнымъ произведеніемъ. Относительно Лажечникова, отдавая должную дань его таланту, можно сказать, что въ его первомъ романѣ «Новикъ» нѣтъ ничего русскаго, индивидуальнаго.

Остается еще упомянуть о примѣчательномъ лицѣ нашей литературы, о томъ авторѣ, который подписывается Безгласнымъ или Ъ. Ь. Й. Во всѣхъ его произведеніяхъ виденъ талантъ могущественный и энергичный, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знаніе человѣческаго сердца, знаніе общества, высокое образованіе и наблюдательный умъ.

Гоголь такъ мило прикинувшійся пасичникомъ, принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ.

Пятый періодъ нашей литературы—смирдинскій, ибо Смирдинъ взялъ на откупъ всю нашу словесность и всю литературную дѣятельность ея представителей. Геніи этого періода: Баронъ Брамбеусъ, Гречъ, Кукольникъ, Воейковъ, Калашниковъ, Масальскій, Ершовъ и мн. др.

Итакъ, Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ—вотъ представители нашей литературы. Но могутъ ли четыре человѣка составить литературу? И развѣ эти представители не случайное явленіе? Итакъ, гдѣ же литература? Ея нѣтъ, но она наступитъ, когда образуется общество, въ которомъ выразится физіономія могучаго русскаго народа. Прежде всего намъ нужно просвѣщеніе, и правительство ежегодно совершаетъ подвиги на благо нашего просвѣщенія. Наше общество скоро образуется: благородные дворяне поняли необходимость образованія для своихъ дѣтей; купечество, принявъ просвѣщеніе, не утратило своей русской физіономіи, духовенство начинаетъ принимать участіе въ святомъ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія. Да, въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена будущаго! И скоро мы явимся соперниками европейцевъ.

Послѣ нѣсколькихъ заключительныхъ строкъ Бѣлинскій заканчиваетъ разсматриваемую нами статью.

VI.

Когда читатели «Молвы» прочли это талантливое, увлекательно написанное произведеніе пера Виссаріона Григорьевича, они подумали, что это съ ними ведетъ рѣчь Н. И. Надеждинъ: такъ близко подходили идеи и взгляды юнаго критика ко взглядамъ самого издателя «Молвы». Даже самое заглавіе какъ бы наводило на подобную мысль, невольно приводя на память «Литературныя Опасенія» Надеждина. И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ эту эпоху литературные взгляды и вкусы Бѣлинскаго и Надеждина были весьма и весьма

сходны. Да вѣдь это и вполнѣ понятно. Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы имѣли возможность, хотя и въ очень краткихъ чертахъ, познакомить читателя съ состояніемъ московскаго университета въ концѣ третьяго и началѣ четвертаго десятилѣтія нынѣшняго вѣка, и думаемъ, что и по этимъ слабымъ очеркамъ читатель невольно согласится съ мнѣніемъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, прямо утверждавшаго, что у насъ Бѣлинскому было негдѣ учиться, что рутина преподаванія и пошлость профессоровъ совершенно не могла удовлетворять его логическаго, хотя и пылкаго, ума. И вдругъ среди этихъ бездушныхъ рѣчей о хріяхъ простой и извращенной раздается могучее и увлекательное слово новаго молодого профессора Н. И. Надеждина. Это было въ самомъ концѣ пребыванія Виссаріона Григорьевича въ университетѣ. Какъ очарованные внимали студенты этому новому слову. Правда, увлеченіе это скоро прошло, скоро юные умы почуяли, что живое вдохновенное слово было только завѣсою, скрывавшею за собою полное равнодушіе отношенія профессора къ дѣлу, къ своему любимому предмету, скоро обнаружилась и нѣкоторая неустойчивость взгляда, готовность измѣнить свои убѣжденія, пойти на извѣстную сдѣлку. Самъ Бѣлинскій впослѣдствіи отмѣтилъ эту особенность своего учителя, говоря, напр. что онъ «былъ не совсѣмъ искреннимъ поборникомъ классицизма такъ же, какъ и не совсѣмъ искреннимъ врагомъ романтизма», что между воззрѣніями его и ихъ приложеніемъ у Надеждина въ его докторской диссертаціи замѣчалось ясное противорѣчіе и т. под. Долгъ благодарности ученика своему учителю, давшему ему обильную духовную пищу, а послѣ удаленія изъ университета давшаго у себя и первое литературное убѣжище, конечно, не позволяли Бѣлинскому рѣзче высказать эту мысль. Но вѣдь этотъ взглядъ, приводившій какъ бы къ нѣкоторому разочарованію въ идеалѣ, явился у Виссаріона Григорьевича позднѣе, въ изображаемую эпоху его, конечно, не было, да и быть не могло.

Однако было бы совершенно ошибочно видѣть въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» лишь одно перефразированіе словъ талантливаго учителя его не менѣе талантливымъ ученикомъ. Нѣтъ, здѣсь уже слышится что то новое, что то свое или, по крайней мѣрѣ, что то почерпнутое изъ другого источника, другого живительнаго ключа. Какой же это былъ иной живительный ключъ? Кто воздѣйствовалъ въ эту эпоху на душу талантливаго писателя? Кто расширялъ его умственный кругозоръ, напиталъ его умъ новыми идеями? Чьи это идеи перерабатывалъ юный критическій умъ и потомъ такъ увлекательно приводилъ въ своихъ статьяхъ, поражавшихъ читателя новизною и глубиною своихъ взглядовъ? Это былъ кружокъ Станкевича. Здѣсь мы опять наталкиваемся на цѣлый рядъ вопросовъ: кто былъ этотъ Станкевичъ? Какой слѣдъ оставилъ по себѣ въ литературѣ? почему его вліяніе на Бѣлинскаго было такъ велико и такъ плодотворно?

Судьба Станкевича, дѣйствительно, замѣчательна. Его имя, какъ литератора почти не извѣстно, изъ подъ пера его вышло всего лишь нѣсколько небольшихъ стихотвореній, но вмѣстѣ съ тѣмъ имя его должно быть извѣстно каждому образованному русскому человѣку, «не беззаботному на счетъ литературы».

Кружокъ, о которомъ мы говоримъ, впервые сталъ собираться, еще когда его основатель былъ студентомъ, и сразу сталъ рѣзко отличаться по своимъ взглядамъ и задачамъ отъ кружка Герцена, носившаго чисто политическій характеръ. Члены кружка Станкевича совершенно не интересовались политикою; Бѣлинскій, которому судьба дала вообще роль литературнаго выразителя умственной жизни кружка, такъ въ одномъ изъ писемъ отзывается о политикѣ: «Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы». Цѣлью кружка было, по выраженію Виссаріона Григорьевича, только «утвердить на

мысли и разумѣ всѣ самыя тонкія эстетическія ощущенія человѣка», и такимъ образомъ направленіе его было чисто философское, чѣмъ и объясняется отношеніе членовъ кружка къ философіи: «Только въ философіи ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ ни отнять у тебя».

Относительно личности Станкевича, этого центра кружка, мы находимъ въ книгѣ Пыпина такую характеристику, составленную отчасти на основаніи отзывовъ современниковъ «Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе; его аристократическій идеализмъ къ нему шелъ, это былъ побѣдный вѣнокъ, выступившій на его блѣдномъ, предсмертномъ челѣ юноши», Этотъ аристократическій идеализмъ, продолжаетъ Пыпинъ, дѣйствовалъ на другихъ тѣмъ сильнѣе, что соединялся съ мягкостью чувства, а также и съ юмористической складкой ума, смягчавшими суровые порывы, какіе бывали у Бѣлинскаго».

Станкевичъ вообще былъ очень талантливмъ юношею, а философскій складъ ума помогъ ему по своимъ знаніямъ занять первое мѣсто въ этой области. По своему общему образованію онъ стоялъ вообще впереди другихъ членовъ кружка.

Друзей объединяли общая любовь къ литературѣ и поэзіи, доводившая ихъ до занятій философско-политическими вопросами, общее увлеченіе театромъ и наконецъ любовь къ музыкѣ. Впрочемъ, говоря собственно о Бѣлинскомъ, мы должны оговориться, что музыка ему, какъ ни старался онъ уразумѣть ее, была совершенно непонятна, и въ этомъ отношеніи ему постоянно приходилось жаловаться на «неполноту» своей натуры. Въ области литературы выше всего ставился Шекспиръ, предъ геніемъ котораго преклонялись юные члены кружка.

Занятія эстетико-философскія не сводились только къ разработкѣ истинъ, внушенныхъ въ лекціяхъ профессоровъ; Станкевичъ и его друзья шли дальше, самостоятельно изучая напр. сочиненія Гофмана, который въ своихъ фантастическихъ повѣстяхъ обращался къ разнымъ философско-эстетическимъ вопросамъ. Отъ Гофмана это увлеченіе перешло и на увлеченіе повѣстями Гоголя, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя этотъ вопросъ еще и ожидаетъ своего научнаго освѣщенія, вліяніе на Гоголя такихъ фантастическихъ писателей, какъ Гофманъ и Карлъ Нодье.

Въ области драматической литературы для членовъ кружка все казалося важнымъ, интереснымъ, знаменательнымъ, даже русская трагедія «казалась имъ плодомъ стремленія выразить свой взглядъ на ту или другую сторону прежней жизни, а не первымъ опытомъ человѣка, набивающаго себѣ руку вообще на трагедіи».

Между всѣми членами кружка царило полное довѣріе, и каждый являлся какъ бы наперсникомъ другого. Бѣлинскій былъ особенно близокъ съ самимъ Станкевичемъ и съ Боткинымъ, и письма его къ нимъ являютъ намъ цѣлый рядъ самыхъ безпощадныхъ и даже часто преувеличенныхъ самообличеній.

Въ кружокъ вошли многіе лица, впослѣдствіи пріобрѣтшіе себѣ имя въ области литературы и науки: Константинъ Аксаковъ, Бакунинъ, Боткинъ, Кудрявцевъ, Грановскій, Кетчеръ, Красовъ, Ключниковъ, Строевъ, Катковъ, Ефремовъ и др. Изъ этого списка мы видимъ, что первоначально этотъ кружокъ объединялъ даже лицъ, столь разошедшихся впослѣдствіи въ своихъ взглядахъ, какъ Бѣлинскій и К. Аксаковъ. Эта разница ихъ взглядовъ будетъ указана и выяснена въ своемъ мѣстѣ настоящей работы. Постепенно развиваясь, она наконецъ и доводитъ друзей до разрыва или, вѣрнѣе, распаденія кружка. Эта то, такъ сказать, предсмертная борьба убѣжденій, разрушившая наконецъ тѣсный дружескій

кружокъ, и вынудила, вѣроятно, у Бѣлинскаго такую характеристику его: въ немъ «много было прекраснаго, но мало прочнаго, въ (немъ) нѣсколько человѣкъ взаимно дѣлали счастье другъ друга и взаимно мучили другъ друга».

Значеніе такихъ кружковъ въ 30-хъ годахъ не подлежитъ сомнѣнію: куда могъ обратиться умъ «алчущій познаній» за духовною пищею? Университеты не давали почти ничего, кромѣ рутины, журналистики не было, и, значитъ, единственнымъ, такъ сказать, духовнымъ хлѣбодаромъ были эти кружки молодежи, шедшей въ университеты не для полученія чина, а для пріобрѣтенія познаній и здѣсь въ этихъ кружкахъ восполнявшихъ скудную университетскую науку.

Здѣсь-то, въ кружкѣ Станкевича Бѣлинскій познакомился съ философскими воззрѣніями Шеллинга и Гегеля, и здѣсь въ немъ впервые развился взглядъ, что все дѣйствительное разумно. Въ предшествующемъ періодѣ, въ эпоху созданія драмы, у Бѣлинскаго не было этого взгляда, неправильности общественной жизни вызывали его негодованіе. Это негодованіе проходитъ и сквозь рядъ его статей разбираемаго нами теперь періода, но вообще кружокъ, а съ нимъ вмѣстѣ и выразитель его—Бѣлинскій, больше интересовался личнымъ нравственнымъ идеаломъ, и вотъ почему съ теченіемъ времени дошелъ до такого равнодушнаго отношенія къ явленіямъ общественной жизни, до равнодушнаго признанія разумности всего совершающагося вокругъ насъ.

Итакъ, «Литературныя мечтанія» были выразителями идей, усвоенныхъ Бѣлинскимъ у Надеждина и въ московскомъ кружкѣ Станкевича, при чемъ не одна изъ идей не усвоивалась имъ на вѣру, всѣ онѣ вызывали въ немъ цѣлый процессъ умственной работы, и только послѣ этого, послѣ того, какъ онѣ уже дѣлались его собственностью, его плотью и кровью, только тогда онъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ повѣрялъ ихъ читающей публикѣ. Статьи его были полны воодушевленія, самаго искренняго и задушевнаго отношенія къ дѣлу, вотъ по-

чему и появленіе Бѣлинскаго на литературномъ поприщѣ не прошло безслѣдно, а не замедлило вызвать уваженіе новаго поколѣнія и вражду стараго, отживающаго свой вѣкъ.

Послѣ своего перваго литературнаго дебюта Виссаріонъ Григорьевичъ началъ писать много для «Телескопа» и «Молвы».

Въ 1835 году Надеждинъ оставилъ службу въ университетѣ и рѣшилъ отправиться за границу, а журналъ на время своей поѣздки передать Бѣлинскому и его друзьямъ, такъ съумѣлъ ученикъ зарекомендовать себя передъ своимъ учителемъ.

Новая редакція съ восторгомъ и увлеченіемъ, столь свойственными вообще натурѣ Bessarione furioso, ревностно предалась своему новому дѣлу, и скоро обратила «Телескопъ» въ критическій журналъ съ опредѣленнымъ эстетическимъ взглядомъ. Подъ новою редакціей вышло 6 книжекъ, но журналъ, который при старомъ еще редакторѣ запоздалъ, не успѣлъ и теперь выйти полностью, и такимъ образомъ въ 1836 году редакціи приходилось выпускать чуть не двойное количество книжекъ.

Съ выходомъ 24 книжки за 1835 г. и 16 за 1836 г. изданіе «Телескопа» было прекращено. Причиною этого запрещенія было «философское письмо» Чаадаева, надѣлавшее въ свое время столько шуму и вызвавшее среди Московскаго студенчества цѣлый взрывъ самаго искренняго негодованія. Въ этомъ письмѣ Чаадаевъ проводилъ идею, что единственный путь, идя по которому Россія достигнетъ величія, есть путь подчиненія главенству папы.

Запрещеніе журнала задѣло нѣсколько и репутацію Бѣлинскаго, какъ одного изъ его главныхъ сотрудниковъ. Виссаріона Григорьевича въ это время не было въ Москвѣ, и на обратномъ пути его ждала непріятность: на заставѣ его отвели къ оберъ-полицiймейстеру. Къ счастію однако все дѣло ограничилось нѣсколькими неважными вопросами.

Гораздо существеннѣе была другая сторона дѣла: Бѣлинскій потерялъ помѣщеніе для своихъ работъ.

VII.

Паденіе «Телескопа» оставило Бѣлинскаго буквально безъ всякихъ средствъ къ существованію. Съ 1836 года онъ начинаетъ искать сотрудничества въ петербургскихъ изданіяхъ, и даже въ головѣ его мелькаетъ мысль о переселеніи въ Петербургъ. Благодаря одному изъ друзей дѣло полученія работы въ петербургскихъ журналахъ, повидимому, готово было устроиться; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что Бѣлинскому было предложено участіе въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», которыя должны были съ 1837 г. перейти къ новому редактору Краевскому и въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Плюшара. Бѣлинскій охотно брался за эту работу, но требовалъ, какъ необходимаго условія, права подписывать подъ статьями свое имя и сохранять полную независимость своего мнѣнія. «Я готовъ, пишетъ онъ, дѣлать всевозможныя измѣненія въ моихъ статьяхъ, когда дѣло будетъ касаться до безопасности вашего изданія со стороны цензуры, но что касается до авторитетовъ и разныхъ личныхъ отношеній къ литераторамъ, участвующимъ дѣломъ или желаніемъ въ вашемъ журналѣ, — то я думаю и увѣренъ, что въ этомъ отношеніи останусь совершенно свободенъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій приводилъ мысль, что въ «Литературныхъ Приложеніяхъ» въ ихъ настоящемъ видѣ не было того, что являлось самымъ насущнымъ требованіемъ современности, а именно систематическаго распространенія въ читающей публикѣ здравой эстетической теоріи и примѣненія ея къ фактамъ русской литературы». Въ видѣ пробы редактору «Прибавленій» было послано нѣсколько библіографическихъ статей. Но вообще это дѣло

разстроилось, и Бѣлинскому пришлось остаться въ Москвѣ, гдѣ, по его словамъ, и копѣйки нельзя было заработать перомъ, и опять безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ.

Стремясь хоть какъ нибудь выйти изъ этихъ тяжелыхъ, угнетавшихъ его условій жизни, онъ въ 1837 г. выпускаетъ въ свѣтъ «Основанія Русской Грамматики, для первоначальнаго обученія составленныя Виссаріономъ Бѣлинскимъ. Часть первая. Грамматика аналитическая; но это сочиненіе въ ходъ не пошло, и автору, ожидавшему выгодъ, пришлось горько разочароваться.

Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ присоединилось еще сильное нездоровье, потребовавшее отъѣзда Бѣлинскаго на Кавказъ.

Все это время матеріальное бѣдствованіе Виссаріона Григорьевича доходило до такихъ размѣровъ, что ему приходилось жить буквально на средства друзей, постоянно прибѣгая къ займамъ у нихъ. Эти долги, это сознаніе своего запутаннаго положенія очень огорчали Бѣлинскаго и разстраивали еще больше его и безъ того уже разстроенное здоровье.

Къ 1837 году тучи, покрывшія такою непроницаемою тьмою весь горизонтъ, начинаютъ какъ-бы нѣсколько разсѣиваться, является надежда работать на журнальномъ поприщѣ, потому что Полевой хотѣлъ у Андросова пріобрѣсти изданіе «Московскаго Наблюдателя». Полевой уѣхалъ въ Петербургъ, откуда скоро увѣдомилъ Бѣлинскаго, что ему графомъ Уваровымъ не разрѣшено пріобрѣсти изданіе «Наблюдателя». Такимъ образомъ Виссаріону Григорьевичу пришлось еще разъ испытать всю тяжесть несбывшихся надеждъ. Онъ мечталъ, что 5—6 тысячъ въ годъ, обѣщанныя ему Полевымъ за сотрудничество, прекрасно поддержали бы его и дали бы возможность не разставаться съ Москвою, и теперь ему снова приходилось испытывать самые крайніе матеріальные недостатки и думать о переѣздѣ въ Петербургъ.

Наконецъ, въ 1838 г. изданіе »Наблюдателя» перешло въ руки московскаго типографа Степанова, и Бѣлинскій,

хотя и негласно, становится редакторомъ этого журнала. «Наблюдатель» подъ редакціею ученаго статистика Андросова всегда былъ враждебенъ Бѣлинскому, и теперь какъ разъ именно Бѣлинскому и выпало на долю руководительство этимъ органомъ печати! Мы уже имѣли случай нѣсколькими строками выше указать, чего, по мнѣнію Бѣлинскаго, недоставало «Литературнымъ Прибавленіямъ къ Русскому Инвалиду», и вотъ теперь, ставъ самъ во главѣ журнала, новый редакторъ прежде всего стремится сообщить своему журналу именно это опредѣленное, разъ выработанное направленіе, т. е. распространеніе философскихъ и эстетическихъ истинъ. Эта задача была блестяще выполнена имъ, ибо ему удалось привлечь къ сотрудничеству въ журналѣ почти весь кружокъ Станкевича.

Въ видѣ общей программы, или введенія къ изданію, была помѣщена статья Гегеля «Гимназическія рѣчи», переведенная съ нѣмецкаго и снабженная русскимъ переводчикомъ предисловіемъ, а для объясненія философскихъ принциповъ искусства была помѣщена статья, о философской критикѣ художественнаго произведенія». Оба перевода были сдѣланы членами кружка.

Въ стихотворномъ отдѣлѣ редакція старалась помѣщать переводы такихъ поэтическихъ произведеній иностранной литературы, которыя представляли интересъ философскій или эстетическій».

Въ прозаическомъ отдѣлѣ изъ иностранныхъ авторовъ предпочтеніе давалось повѣстямъ Гофмана, о которомъ мы уже упоминали какъ о проводникѣ извѣстныхъ эстетическихъ истинъ, такъ по вкусу приходившихся членамъ Московскаго кружка.

Нѣмцамъ же отдавалось предпочтеніе и въ отдѣлѣ біографіи и библіографіи.

Весь отдѣлъ литературной критики находился въ рукахъ Бѣлинскаго—этого литературнаго выразителя кружка.

Все это, конечно, давало журналу ясно намѣченный и установленный взглядъ, о которомъ такъ много хлопоталъ ре-

дакторъ, и дѣлало его серьезнымъ органомъ журналистики, но съ другой стороны во всемъ этомъ лежали и причины скораго паденія журнала. Самъ Бѣлинскій понималъ, что такой органъ печати никогда не привлечетъ множества читателей, ибо большинство ихъ не смотритъ на дѣло такъ серьезно, а ищетъ въ чтеніи лишь литературнаго увеселенія. Такимъ образомъ журналъ предназначался лишь, такъ сказать, для «аристократіи [1])» читающей публики, а таковой, конечно, не могло быть много. Къ тому-же и издатель журнала не былъ практикомъ въ веденіи журнальнаго дѣла. Онъ не умѣлъ во время выпустить объявленія о своемъ журналѣ, не умѣлъ достаточно рекламировать его. Немного этой практичности было и у Бѣлинскаго, и вотъ почему журналъ не могъ долго существовать и скоро началъ клониться къ упадку.

Много этому упадку способствовали и раздоры, которые начались въ Московскомъ кружкѣ. Станкевичъ—этотъ центръ кружка—уѣхалъ за границу, и во главѣ кружка сталъ философскій другъ Бѣлинскаго М. Б. Однако этой дружбѣ не суждено было остаться между нами на долгое время, скоро между друзьями послѣдовалъ разрывъ, потому что при всей глубокости и самобытности природы философскій другъ, по выраженію Бѣлинскаго, слишкомъ любилъ идеи и хотѣлъ властвовать своимъ авторитетомъ, а не любить.

Вообще та полная откровенность между друзьями, которая была поставлена непремѣрнымъ закономъ въ кружкѣ, должна была неизбѣжно приводить ихъ къ размолвкамъ, къ личнымъ счетамъ, вызывать взаимныя осужденія и пререканія и, наконецъ, способствовала тому, что кружокъ долженъ былъ распасться. Всѣ эти члены кружка принимали участіе въ журналѣ совершенно безвозмездно, только во имя любви къ идеѣ и дружбы съ редакторомъ. Степановъ не только не могъ платить сотрудникамъ своего изданія, но даже и самому редактору

[1]) Выраженіе Бѣлинскаго.

уплачивалъ въ мѣсяцъ только около 80-ти рублей ассигнаціями, да и то весьма неаккуратно.

Матеріальное положеніе Бѣлинскаго мало могло поправиться отъ такой работы. Панаевъ, петербургскій литераторъ, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ Бѣлинскому за его статьи и идейное редактированіе «Наблюдателя», пріѣхалъ въ Москву и здѣсь лично познакомился съ Виссаріономъ Григорьевичемъ. Весьма любопытенъ его разсказъ о первой встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ, ибо вполнѣ знакомитъ насъ съ его матеріальнымъ положеніемъ. Виссаріонъ Григорьевичъ, по его словамъ, жилъ въ одномъ изъ столь глухихъ переулковъ, что когда Панаевъ въѣхалъ въ него въ каретѣ, запряженной четверкою лошадей, самъ Бѣлинскій сказалъ, что такого шума этотъ переулокъ еще никогда не слыхивалъ. Отворилъ двери самъ хозяинъ и ввелъ гостя въ свой кабинетъ, заваленный бумагами. Въ кабинетѣ находились лишь диванчикъ, покрытый поношеннымъ уже чехломъ, конторка, выкрашенная подъ красное дерево, и 2 такихъ же стула. Такъ бѣдно жилъ этотъ скромный труженикъ!

Разставшись наконецъ съ изданіемъ «Наблюдателя» Бѣлинскій вновь обращаетъ свои помыслы къ Петербургу. Благодаря участію Панаева, скоро отъ Краевскаго, издателя «Отечественныхъ Записокъ» и «Литературныхъ Прибавленій» было получено согласіе на сотрудничество Виссаріона Григорьевича, и въ іюлѣ 1839-го года отъѣздъ въ Петербургъ былъ уже окончательно рѣшенъ. Условія, предложенныя Краевскимъ, должны были хоть нѣсколько улучшить положеніе Бѣлинскаго: онъ получилъ небольшую сумму на выѣздъ изъ Москвы и расплату съ кредиторами и 3500 руб. ассигнаціями ежегоднаго содержанія.

Въ Октябрѣ 1839-го года Бѣлинскій покидаетъ Москву и перебирается въ Петербургъ.

Этотъ Московскій періодъ жизни нашего критика былъ, какъ видитъ читатель, бѣденъ внѣшними фактами, но роль его

въ развитіи, въ выработкѣ взглядовъ Бѣлинскаго громадна. Пребываніе въ кружкѣ Станкевича познакомило его сперва съ философіей Фихте, и затѣмъ уже окончательно увлекло философскимъ ученіемъ Гегеля.

Какъ разъ въ это время крайней нужды, такой нужды, что часто въ комнатѣ коченѣли руки, когда, кажется, уже трудно мириться съ окружающею дѣйствительностью, у Бѣлинскаго является твердое убѣжденіе, что все дѣйствительное разумно.

Такъ велика была неподкупность и стойкость убѣжденій этого великаго человѣка! Такъ его душа жила независимо отъ тѣла! Правъ былъ онъ, когда говорилъ, что подкупить его нельзя, что онъ предпочтетъ голодную смерть перемѣнѣ своихъ убѣжденій въ угоду кому-либо; только одно вѣчное исканіе истины могло заставить его отказаться отъ своего убѣжденія, чтобы съ тѣмъ большимъ жаромъ отдаться новому.

Это полное проникновеніе идеями нѣмецкаго философа налагаетъ свой особый отпечатокъ и на весь характеръ дѣятельности Бѣлинскаго въ этомъ періодѣ. Рѣзкая полемика, споры, сопровождаемые ударами кулака по столу, все, чему онъ прежде предавался съ такимъ жаромъ и охотой, отходятъ въ область преданій, и вся его дѣятельность носитъ даже до излишества мирный и спокойный характеръ.

Къ этому періоду относится и знакомство Бѣлинскаго съ Кольцовымъ, уже упомянутымъ выше Панаевымъ, Грановскимъ и Герценомъ. Отношенія Бѣлинскаго къ этимъ двумъ послѣднимъ лицамъ весьма замѣчательны. Мы уже говорили, что Герценъ стоялъ во главѣ кружка, враждебнаго Станкевичу, ибо ихъ кружокъ интересовался не философіей, а политикой.

Интересы и сочувствіе Бѣлинскаго, конечно, были не на ихъ сторонѣ, и вѣроятно, въ видѣ отпора ихъ убѣжденіямъ, Виссаріонъ Григорьевичъ высказываетъ мысли прямо противоположныя ихъ либеральнымъ политическимъ идеямъ; за эти мысли

его одно время чуть-чуть не записали въ лагерь Славянофиловъ. Полнымъ выраженіемъ ихъ служитъ его статья «Бородинская Годовщина». Мы полагаемъ, что не лишнимъ будетъ познакомить читателя съ этою глубоко-справедливою статьею нашего критика, и для этого знакомства считаемъ достаточнымъ привести 2 выписки, представляющія какъ бы кульминаціонные пункты всей статьи.

«Для насъ, Русскихъ, нѣтъ событій народныхъ, которыя не выходили бы изъ живого источника высшей власти. Велико было событіе 1612 г., но предки наши не гордились и не радовались, а скорбѣли и печалились, доколѣ домъ Романовыхъ не далъ имъ царя,—и только отъ сей великой минуты имъ возвращена была ихъ слава, потому что уже явилось царское имя, освятившее ее, и безыменному подвигу давшее и имя, и цѣль, и значеніе... Итакъ, не будемъ толковать и разсуждать о необходимости безусловнаго повиновенія царской власти: это ясно и само по себѣ; нѣтъ, есть нѣчто важнѣе и ближе къ сущности дѣла: это—привести въ общее сознаніе, что безусловное повиновеніе царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша народность, если подъ словомъ «народность» должно разумѣть актъ сліянія частныхъ индивидуальностей въ общемъ сознаніи своей государственной мощности и самости [1].

VIII.

Итакъ, въ октябрѣ 1839 года совершилось давно уже подготовлявшееся событіе: Бѣлинскій холодно распрощался съ членами кружка Станкевича и особенно со своимъ бывшимъ другомъ В. Боткинымъ, и переѣхалъ въ Петербургъ. Чувство,

[1]) Соч. Бѣлинскаго т. III, 270 и 19 стр.

съ которымъ онъ совершилъ этотъ переѣздъ, прекрасно высказывается въ его собственныхъ словахъ: «Въ мысли о Петербургѣ для меня есть что то горькое, сжимающее грудь тоскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что то, дающее силу, возбуждающее дѣятельность и гордость духа» [1]).

Несмотря на свой внѣшній разрывъ съ кружкомъ Станкевича, Бѣлинскій явился въ Петербургъ, сохранивъ въ душѣ весь духъ кружка, пропитанный насквозь всѣми его взглядами и понятіями, т. е. всѣмъ тѣмъ, что впослѣдствіи онъ самъ назвалъ «москводушіемъ».

Всѣ его первыя петербургскія произведенія, помѣщенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ» по своему тону и направленію нисколько не отличаются отъ произведеній предшествующаго періода. Чтобы достаточно обосновять нашу мысль, мы остановимся на статьѣ его «Менцель, критикъ Гете», помѣщенной въ отдѣлѣ критики журнала «Отечественныя Записки» въ 1840 году.

Статья начинается указаніемъ на то, что имя Менцеля есть имя цѣлаго разряда людей, имя нарицательное, подобно именамъ Ира, Ѳирсиса, Креза и т. п. Это обстоятельство придаетъ большую и важную значительность Менцелю. Сочиненія его недавно вышли въ прекрасномъ переводѣ на русскій языкъ, и поэтому авторъ считаетъ нелишнимъ дать русскому читателю по поводу книги нѣмецкаго критика разсужденіе объ отношеніи критики вообще къ искусству.

Понятіе «слава» у насъ очень нерѣдко смѣшивается съ понятіемъ «извѣстность», хотя эти понятія вообще весьма различны: «Слава есть патентъ на величіе, выдаваемый цѣлымъ человѣчествомъ одному человѣку, великимъ подвигомъ доказавшему свое величіе, а извѣстность есть внесеніе имени въ полицейскій реестръ, въ которомъ записываются вседневныя со-

[1]) Письмо къ одному изъ друзей, отъ ноября 1837.

бытія, выходящія изъ порядка обыкновенности и ежедневности». Менцель—извѣстность, претендующая на славу. Для пріобрѣтенія журнальной славы есть два способа: первый способъ, нужно захватить изданіе журнала, завести въ немъ непремѣнно отдѣлъ критики, ибо публика его требуетъ, и доказывать, что въ искусствѣ хорошо то, что вамъ нравится, и худо, что вамъ не нравится. Тонъ долженъ быть рѣзкій, наглый, иначе публика не повѣритъ. При разборѣ книги автора враждебнаго лагеря можно выписывать изъ его книги и то, чего у него нѣтъ, т. е. вообще клеветать на него. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобы ищущій славы смѣло нападалъ на авторитеты и славы. Публичныя лекціи лучшій способъ побѣждать враговъ, здѣсь нужно только быть бонмотистомъ и публику можно заставить вѣрить всему, чему хотите. Этими то путями Менцель и добился славы. Правда, нельзя отрицать его заслугъ, которыя состояли въ преслѣдованіи пошлой сентиментальности и другихъ дурныхъ сторонъ нѣмецкой литературы, но вообще онъ человѣкъ съ мелкой натурой, ограниченнымъ умомъ и образованностью, полученной на мѣдныя деньги. Это одинъ изъ маленькихъ людей, для которыхъ государство есть искусственная машина, которою по произволу можетъ вертѣть всякій маленькій человѣкъ. Эти люди смѣшны: они напоминаютъ сумасшедшаго, которому вездѣ слышатся только диссонансы, мерещится одинъ раздоръ... и, бѣдный сумасбродъ, онъ хватается за топоръ, обтесываетъ свои колышки и тычинки, и хлопочетъ подпереть ими съ трескомъ рушающееся зданіе вселенной».

«Менцелю не нравится порядокъ дѣлъ въ Германіи, и онъ придумалъ на досугѣ свой планъ для ея благосостоянія; но какъ она не осуществляетъ этого благодѣтельнаго взгляда, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ своего историческаго развитія, ни отъ своей національной индивидуальности, да еще, какъ кажется, не будучи въ состояніи постичь всей премудрости г. Менцеля, и не вѣритъ ей, а на самаго его смотритъ, какъ на журнальнаго крикуна и политическаго полишинеля, то онъ

и возстаетъ на нее со всѣмъ ожесточеніемъ фанатика». Но болѣе всего онъ возстаетъ противъ ея представителей, снискавшихъ ей умственное владычество надъ всею просвѣщенною частью земного шара. Гегель оказывается сумасбродомъ, но еще сильнѣе нападки на Гете за то, что нѣкоторыя изъ вѣнценосныхъ особъ были дружны съ нимъ.

Основная идея критики Менцеля та, что искусство должно служить обществу. Такой взглядъ есть чисто французскій взглядъ; искусство служитъ обществу, по мнѣнію Бѣлинскаго, но лишь, какъ нѣчто существующее по себѣ и для себя, въ самомъ себѣ имѣющее цѣль и причину своего бытія. Менцель винитъ Гете въ томъ, что онъ не отозвался на такое потрясшее міръ событіе, какъ французская революція. Но на чемъ же основано мнѣніе, что Гете былъ равнодушенъ къ этому и подобнымъ событіямъ всемірной исторіи? Только на томъ, что онъ не отозвался на него? Такъ вѣдь водохновеніе не справляется съ календаремъ. Думая такимъ образомъ, Менцель считаетъ, что онъ вполнѣ сходится съ Платономъ; но критикъ забываетъ, что теперь вѣдь уже отошли пора античнаго міра, въ которомъ общество уничтожало въ себѣ людей и на всякаго члена своего смотрѣло лишь, какъ на своего слугу и свою часть. Нѣтъ! искусство и общество должны каждое итти по своей дорогѣ.

Другой фальшивый пріемъ критики Менцеля заключается въ требованіи отъ искусства нравственности. Въ искусствѣ, что художественно, то и нравственно, что нехудожественно, то можетъ быть и не безнравственно, но уже не нравственно.

Нужно строго различать нравственное (Sittlichkeit) отъ моральнаго (Moralität). Нравственность относится къ моральности, какъ разумный житейскій опытъ къ житейской опытности, какъ высокое къ обыкновенному, трагическое къ повседневному, разумъ къ разсудку, искусство къ ремеслу.

Поэтому нравственность есть понятіе абсолютное, а моральность условное. Кто смѣшиваетъ эти понятія, тотъ при оцѣнкѣ

художественнаго произведенія оказывается близорукимъ, не понимая, что добродѣтель всегда награждается, а зло наказывается, но только внутренне, а внѣшнимъ образомъ бываетъ иногда и обратно. Все, что есть, необходимо, разумно и дѣйствительно. Искусство должно не прикрашивать дѣйствительности, а показывать ее такъ, какъ она есть на дѣлѣ.

Менцель Шиллера противопоставилъ Гете. Но истинно художественное произведеніе возвышаетъ и расширяетъ духъ человѣка до созерцанія безконечнаго, примиряетъ его съ дѣйствительностью, а не возстановляетъ противъ нея.

Менцель хвалится тѣмъ, что онъ никогда не перемѣнялъ своихъ убѣжденій, и говоритъ, что, если Гете осмѣлился сказать

Die Feinde, sie bedrohen dich,
Das mehrt von Tag zu Tage sich,
Wie dir doch gar nicht graut!
Das seh ich alles unbewegt,
Sie zerren an der Schlangenhaut
Die jungst ich abgelegt;
Und ist die nächste reifgenug,
Abstreif ich die sogleich
Und wandle neu blebt und jung
Im frischen Götterreich,

то для него нѣтъ ничего святого. Критикъ позабылъ, что ни одинъ человѣкъ не родится готовымъ, истина никогда не дается вдругъ. Только для того, чтобы быть критикомъ, надо родиться имъ, наука только развиваетъ данное природою. Никто не съумѣетъ внушить Менцелю, что въ искусствѣ нѣтъ прекрасныхъ формъ безъ прекраснаго содержанія.

Такимъ явился Бѣлинскій въ Петербургъ изъ Москвы. Но тамъ онъ жилъ какъ бы на необитаемомъ островѣ, окруженный своими друзьями и совершенно чуждый и безучастный ко

всему происходившему внѣ этой замкнутой кружковой жизни. Совершенно въ иномъ положеніи оказался онъ въ Петербургѣ. Здѣсь ему уже нельзя было никуда скрыться отъ дѣйствительности, приходилось прямо столкнуться съ нею, и это столкновеніе должно было оторвать его отъ чисто теоретическихъ разсужденій и перенести на почву практическую. Здѣсь то и пришлось ему впервые увидѣть, что его положеніе, что все существующее дѣйствительно, необходимо и разумно, должно было подвергнуться долгой и мучительной пробѣ, и оно не выдержало этой пробы и послѣ цѣлаго ряда нравственныхъ мученій, которыми для Бѣлинскаго всегда сопровождалась мѣна взглядовъ и убѣжденій, было сдано въ архивъ, какъ совершенно невѣрное и непригодное для жизни. Весь этотъ переломъ совершился въ теченіе перваго же года пребыванія Бѣлинскаго въ Петербургѣ. Нѣкоторые думаютъ, что причина перелома была чисто внѣшняя, а именно сближеніе съ главою враждебнаго кружка Герценомъ. Но это врядъ-ли справедливо: Бѣлинскій, хотя и охладѣлъ къ кружку Станкевича, но не разстался съ усвоенными въ немъ идеями и убѣжденіями, а мы уже видѣли, что онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ завѣтный образъ мыслей могъ быть перевернутъ какимъ-либо внѣшнимъ образомъ. И дѣйствительно, длинный рядъ писемъ, адресованныхъ В. Боткину, доказываетъ, что переломъ совершился самъ собою и совершенно самостоятельнымъ развитіемъ.

Читателю нашему, можетъ-быть, покажется страннымъ, что мы только что упомянули о цѣломъ рядѣ писемъ къ Боткину, между тѣмъ какъ выше было сказано, что Бѣлинскій холодно разстался съ нимъ въ Москвѣ, а потому съ нашей стороны было-бы непростительнымъ упущеніемъ не упомянуть о томъ, что въ теченіе перваго года пребыванія Бѣлинскаго въ Петербургѣ дружба между нимъ и Боткинымъ воскресаетъ съ новой силой. Это случилось такъ. 15 Декабря онъ обѣдалъ со своими петербургскими пріятелями. Послѣ обѣда Панаевъ про-

читалъ изъ только что вышедшей 12 книги «Отечественныхъ Записокъ» статью Боткина «Итальянская и германская музыка». Чтеніе этой статьи и воскресило въ Бѣлинскомъ угасшую было дружбу и даже дало ей теперь, ибо друзья находились въ разлукѣ, какую-то особую новую интенсивность и энергію, такъ что друзья начинаютъ постоянно обмѣниваться письмами, изливая въ нихъ самыя задушевныя мысли и взгляды.

Изъ прочихъ друзей кружка Бѣлинскій сохраняетъ теперь прежнія близкія отношенія къ Кудрявцеву, который какъ разъ въ это время окончилъ курсъ въ университетѣ и отправился за границу. Проѣздомъ онъ былъ въ Петербургѣ, видѣлся съ Бѣлинскимъ, и это свиданіе оживило и поддержало духъ Виссаріона Григорьевича постоянно мечтавшаго объ Москвѣ, и считавшаго теперь жизнь въ ней какимъ-то блаженствомъ, недоступнымъ однако ему въ виду его матеріальнаго положенія. Однако можно безошибочно замѣтить, что вообще матеріальныя обстоятельства его скоро начали поправляться; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что уже въ первый годъ Бѣлинскій посылаетъ Иванову въ Москву 1500 рублей для покрытія своихъ долговъ; а въ концѣ года мы уже видимъ его живущимъ въ большой квартирѣ на Васильевскомъ Островѣ.

Другимъ событіемъ, скрасившимъ нѣсколько одинокую жизнь Виссаріона Григорьевича, былъ пріѣздъ въ Петербургъ Кольцова, питавшаго самую тѣсную и преданную дружбу къ Бѣлинскому и въ отвѣтъ на нее получавшаго не менѣе искреннее расположеніе.

Но вообще этотъ первый годъ пребыванія Бѣлинскаго въ Петербургѣ, столь важный по происшедшему въ немъ внутреннему перелому, бѣденъ внѣшними фактами. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ событій было знакомство съ Лермонтовымъ, въ которомъ Виссаріонъ Григорьевичъ, благодаря своему критическому чутью, сразу угадалъ великаго поэта, опередивъ въ этомъ отношеніи своего Московскаго друга.

Въ 1841 г. въ «Отечественныхъ запискахъ» Бѣлинскій помѣстилъ свою большую статью о стихотвореніяхъ Лермонтова. Статья эта является какъ-бы сводомъ взглядовъ нашего критика, высказанныхъ въ разное время о поэтѣ, а потому хотя она и не написана въ теченіе перваго года пребыванія въ Петербургѣ, мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ ознакомить съ нею читателя. Статья начинается съ опредѣленія поэзіи, причемъ авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: поэзія есть выраженіе жизни или сама жизнь, даже больше: въ поэзіи жизнь является больше жизнью, нежели въ дѣйствительности. Но не все дѣйствительно, что есть въ дѣйствительности, поэтому для художника существуетъ лишь разумная дѣйствительность. Художникъ вноситъ въ нее идеалъ и по нему преображаетъ ее. Весь міръ можетъ быть явленіемъ поэзіи, но сущность ея—то, что скрывается въ явленіи, она біеніе пульса міровой жизни.

Поэтъ—это натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа—и пассивная и дѣятельная. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, такъ же, какъ истина въ знаніи, благо въ дѣйствіи. Все сказанное о поэтѣ и поэзіи легко прилагается къ Лермонтову и его поэзіи, характеристическими примѣтами которой являются свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энерія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувствъ, глубокость и разнообразіе идей и необъятность содержанія.

Лермонтовъ — явленіе обратное Пушкину, ибо въ его произведеніяхъ наряду съ несокрушимостью духа высказывается отсутствіе надеждъ, безвѣріе въ жизнь при жаждѣ жизни. Далѣе слѣдуетъ разборъ отдѣльныхъ произведеній поэта. Статья оканчивается слѣдующимъ выводомъ: «Недалеко то время, когда имя Лермонтова въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническія звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками о ея житейскихъ заботахъ».

Къ концу года нравственный переломъ въ Бѣлинскомъ сказался уже съ такою силою, что, придя однажды въ гости къ Панаеву и увидѣвъ на столѣ старую книжку «Отечественныхъ записокъ», развернутую на статьѣ о Менцелѣ, онъ не на шутку разсердился, бросилъ ее на полъ и сказалъ:

— «Что, вы это нарочно хотите поддразнивать меня, подсовывая мнѣ на глаза эту статью? Вы знаете, что я не могу безъ негодованія вспоминать о моихъ статьяхъ этого времени. Сдѣлайте одолженіе, я прошу васъ не дѣлать со мною такихъ вещей...».

При этихъ словахъ Бѣлинскій, почти задыхаясь, упалъ на диванъ, и Панаевъ только съ большимъ трудомъ успокоилъ его.

Такъ окончился второй періодъ развитія Бѣлинскаго.

Происшедшая въ ночь съ 24-го на 25-е іюня 1840 г. смерть Станкевича уже не произвела на Виссаріона Григорьевича, по его собственному признанію, никакого особеннаго впечатлѣнія. Такъ далекъ онъ былъ теперь отъ Москвы и отъ всякихъ воспоминаній о распавшемся кружкѣ.

IX.

Чтобы теперь же показать, насколько впослѣдствіи разошлись въ своихъ взглядахъ члены кружка Станкевича, мы, прервавъ на нѣкоторое время наше повѣствованіе, попросимъ у читателя позволенія остановиться на сравненіи взглядовъ нашего критика на русскій героическій эпосъ со взглядами Аксакова. При этомъ однако мы должны оговориться, что обѣ эти статьи явились далеко не одновременно, а потому, конечно, и взгляды Бѣлинскаго и Аксакова относятся къ различнымъ періодамъ. Считаемъ долгомъ предупредить, что, сравнивая взгляды писателей, мы сперва будемъ указывать мнѣніе Аксакова, а потомъ мнѣніе Бѣлин-

скаго, ибо думаемъ, что такимъ образомъ эти послѣднія ярче и яснѣе выдвинутся передъ глазами читателя.

Во всѣхъ европейскихъ литературахъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка можно подмѣтить одну общую черту, именно общее тяготѣніе къ родной старинѣ. Всюду въ Европѣ стали дѣятельно разыскивать и старательно изучать памятники мѣстной народной поэзіи. Наша русская литература тоже не оказалась внѣ этого общаго теченія европейскихъ литературъ, и въ 1804 году впервые появляются въ печати «Древнія Россійскія стихотворенія», собранныя Киршею Даниловымъ и изданныя А. Ѳ. Якубовичемъ [1]). Ровно черезъ 14 лѣтъ вышло и второе изданіе этого сборника, и послѣ этого изданіе русскихъ народныхъ произведеній пошло впередъ все болѣе и болѣе быстрыми шагами. Подобное направленіе въ нашей литературѣ, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ въ русской критикѣ. Дѣйствительно, въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1841 г. мы встрѣчаемся со статьею В. Г. Бѣлинскаго, посвященною обозрѣнію памятниковъ нашей народной поэзіи.

Въ 1854 г. въ журналѣ «Русская Бесѣда» мы снова находимъ статью, посвященную тому же вопросу. Эта статья принадлежитъ перу К. Аксакова [2]). Взгляды Бѣлинскаго и Аксакова во многомъ совершенно расходятся и подъ часъ прямо противорѣчатъ другъ другу.

Прежде всего передъ нами вопросъ, составленъ ли сборникъ «Древнихъ Россійскихъ стихотвореній» Киршей Даниловымъ или кѣмъ либо другимъ. Дѣло въ томъ, что первый листъ этого сборника, гдѣ стояло имя Кирши, утерянъ, и его не видалъ никто, кромѣ издателя Якубовича. Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ, напр. Сахарову, оспаривать принадлежность названнаго сборника Данилову.

[1]) Нѣкоторые менѣе важные сборники были изданы еще въ концѣ XVIII-го вѣка, текстъ ихъ былъ однако испорченъ поправками издателей.

[2]) Статья Бѣлинскаго помѣщена въ V т. его сочиненій, изд. бр. Салаевыхъ. Москва, 1875. Статья Аксакова въ 1 т. его сочиненій.

Вотъ, что мы читаемъ по этому поводу у Аксакова: «Изъ всѣхъ изданныхъ сборниковъ Русскихъ пѣсенъ самый замѣчательный — это сборникъ, означенный именемъ Кирши Данилова, которое мы за нимъ и удержимъ». Бѣлинскій вообще не придаетъ этому вопросу никакой важности. «Впрочемъ, говоритъ онъ, всѣ причины стоятъ за Киршу Данилова, и ни одной противъ него; это ясно, какъ день.

Во первыхъ, нужно же какое нибудь общее имя для означенія сборника древнихъ стихотвореній: зачѣмъ же выдумывать новое, когда уже глаза всей читающей публики приглядѣлись въ печати къ имени К. Данилова? Во вторыхъ, что имя его могло стоять на заглавномъ листкѣ — это вѣрнѣе, чѣмъ то, что его не было на немъ, ибо это имя упоминается въ текстѣ пѣсни: «А и не жаль мнѣ-ко битаго, грабленнаго».

Такимъ образомъ оба наши критика склоняются въ пользу авторства [1]) Кирши Данилова.

По поводу вопроса о древности былинъ Аксаковъ полагаетъ, что онѣ были составлены, если не при Владимирѣ, то во всякомъ случаѣ скоро послѣ него. Бѣлинскій высказываетъ почти такое же мнѣніе. Вотъ, что мы читаемъ у него: «Всѣ эти стихотворенія неоспоримо древнія. Начались они, вѣроятно, во времена Татарщины, если не раньше: по крайней мѣрѣ, всѣ богатыри князя Владимира красна-солнышка, безпрестанно сражаются въ нихъ съ Татарами». Эта уступка: «если не раньше» и заставляетъ насъ признать его мнѣніе весьма близкимъ къ мнѣнію Аксакова [2]).

Теперь мы перейдемъ къ вопросу о внѣшней стихотворной формѣ нашихъ былинъ. Вотъ, что говоритъ по поводу этого Аксаковъ: «Русская пѣсня не есть опредѣленное стихотвореніе и не имѣетъ опредѣленнаго метра, отдѣляющаго ее отъ

---

[1]) Здѣсь «авторство» и употребленное выше выраженіе «составленъ» мы понимаемъ въ смыслѣ *записи* народныхъ произведеній.

[2]) Хотя собственно это сходство — только внѣшнее; Бѣлинскій относитъ эти пѣсни къ XII—XIII вв.

прозы. Между русскою прозою и русскимъ стихомъ нѣтъ ярко проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ. Отдѣльной, заранѣе готовой стихотворной формы, въ которую можно бы было отливать слова, — нѣтъ у насъ. Слово само должно отдѣляться отъ обыденной рѣчи не поэтической, называемой прозою, и давать себѣ прямую гармоническую форму, доходить до стиха, такъ что процессъ образованія поэтической рѣчи или стиха совершается тутъ же, и стихъ возникаетъ изъ прозы, какъ скоро поэтическая сила вдохновенія подымаетъ слово». Въ подтвержденіе своей мысли Аксаковъ приводитъ одно мѣсто изъ грамоты Гермогена. Хотя вся грамота написана, конечно, прозою, это мѣсто какъ бы образуетъ стихъ:

«Солгалось про старыхъ то слово,
«Что красота граду старые мужи.

Проводя такой взглядъ на русскій стихъ, авторъ совершенно не касается разбора стихотворныхъ метровъ въ нашихъ былинахъ.

Оригинальная красота внѣшней фирмы нашего эпоса не ускользнула отъ вниманія Бѣлинскаго, и онъ видѣлъ въ ней «музыкальность и пѣвучесть какую то». «Уху, говоритъ онъ, русскій человѣкъ жертвовалъ всѣмъ—даже смысломъ. Художникъ легко примиряетъ оба требованія; но народный пѣвецъ по необходимости долженъ прибѣгать къ повтореніямъ словъ и даже цѣлыхъ стиховъ, чтобы не нарушить требованій ритма. Сверхъ того, въ русской народной поэзіи большую роль играетъ риѳма не словъ, а смысла: русскій человѣкъ не гоняется за риѳмою—онъ полагаетъ ее не въ созвучіи, а въ кадансѣ, и полубогатыя риѳмы какъ бы предпочитаетъ богатымъ; но настоящая его риѳма есть риѳма смысла: мы разумѣемъ подъ этимъ двойственность стиховъ, изъ которыхъ второй риѳмуетъ съ первымъ по смыслу». Такимъ образомъ Бѣлинскій объясняетъ появленіе въ былинахъ отрицательныхъ уподобленій,

повторенiе повидимому не нужныхъ словъ и т. п. Какъ примѣръ, онъ приводитъ слѣдующее мѣсто:

«Не допуститъ Екима до добра коня,
«До *своей его* палицы *тяжкiя*,
«А и *тяжкiя* палицы *мѣдныя*,
«Лита она была въ три тысячи пудъ;
«Не *попала* ему палица *желѣзная*,
«Что *попала* ему ось то *тележная*.

«Всѣ эти повторенiя, замѣчаетъ Бѣлинскiй, и не нужныя слова: своей и его, тяжкiя и тяжкiя, попала и попала сдѣланы явно для пѣвучей гармонiи размѣра и для риѳмы смысла; для того же сдѣлана и безсмыслица, т. е. въ третьемъ стихѣ палица названа мѣдною, а въ пятомъ желѣзною: желѣзная была необходима и для кадансовой, просодической (а не для созвучной) риѳмы: желѣзная и тележная: ◡ — ◡ ◡ и ◡ — ◡ ◡».

Такимъ образомъ Бѣлинскiй болѣе обстоятельно разбираетъ вопросъ о формѣ нашего эпоса и, намъ кажется, что только что приведенное мѣсто изъ его статьи и указанное немного выше мнѣнiе Аксакова какъ бы дополняютъ одно другое.

Весьма значительную разницу находимъ мы во взглядахъ Аксакова и Бѣлинскаго на художественное достоинство нашего эпоса. У Аксакова мы поэтому поводу читаемъ: «Въ этихъ пѣсняхъ живетъ та вѣчная красота, то несомнѣнное величiе, которымъ запечатлѣны истинныя творенiя народа, конечно, величайшаго и истиннѣйшаго мудреца и поэта, а какой же народъ болѣе достоинъ названiя народа, если не народъ русскiй».

Бѣлинскiй совсѣмъ иначе смотритъ на народныя произведенiя, называя ихъ не болѣе, какъ лепетомъ народа въ перiодъ его младенчества, имѣющимъ для насъ прiятность только лишь въ той мѣрѣ, въ какой вообще воспоминанiя о порѣ

младенчества имѣютъ прелесть. Что Бѣлинскій не считалъ народа величайшимъ и истиннѣйшимъ поэтомъ, видно изъ той выписки, которую мы сдѣлали нѣсколько выше, говоря о формѣ эпоса. Вообще онъ отдаетъ преимущество передъ народной поэзіей художественной поэзіи, которую сравниваетъ со словомъ зрѣлаго мужа.

«Одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ». Единственнымъ исключеніемъ Бѣлинскій считаетъ греческую народную поэзію, потому что «безконечное міросозерцаніе лежало въ самой субстанціи эллинскаго племени». Въ древнѣйшихъ миѳахъ Греціи Бѣлинскій уже видитъ «абсолютныя идеи, художественно выраженныя».

Теперь мы перейдемъ къ вопросу о характерѣ, о, такъ сказать, духѣ нашихъ былинъ. По словамъ Аксакова здѣсь «передъ нами образъ жизни, волнующейся сама въ себѣ и не стремящейся въ какую нибудь одну сторону; это хороводъ, движущійся согласно и стройно—праздничный, полный веселья образъ русской общины. Этимъ духомъ проникнуто, этимъ образомъ запечатлѣно все, что идетъ отъ Русской земли, такова сама наша пѣсня. таковъ напѣвъ ея, таковъ строй земли нашей. Это океанъ, волнующійся самъ въ себѣ». Сопоставимъ съ этимъ отрывкомъ слѣдующее мѣсто изъ статьи Бѣлинскаго: «Русская поэзія, какъ и русская жизнь (ибо въ народѣ жизнь и поэзія—одно) до Петра Великаго была только тѣломъ, но тѣломъ полнымъ избытка органической жизни, крѣпкимъ, здоровымъ, могучимъ, великимъ, вполнѣ способнымъ, вполнѣ достойнымъ быть сосудомъ необъятно великой души, но—тѣломъ, лишеннымъ этой души, и только ожидающимъ, ищущимъ ее... Петръ вдунулъ въ него душу живу — и замираетъ духъ при мысли о необъятно великой судьбѣ, ожидающей народъ Петра».

Такимъ образомъ оба наши критика, повидимому, согласны относительно того, что народная жизнь, поскольку она выражается въ нашемъ эпосѣ, лишена «стремленія въ какую ни-

будь одну сторону», но значительно расходятся въ объясненіи этого факта. Аксаковъ находилъ возможнымъ сравнить эту жизнь съ океаномъ, который, хотя и не течетъ въ одну сторону, но за то волнуется самъ въ себѣ, Бѣлинскій же заключалъ изъ этого факта объ отсутствіи души у нашего народа.

Значительную разницу во взглядахъ наблюдаемъ мы у Аксакова и Бѣлинскаго при оцѣнкѣ нашихъ былинъ, какъ историческихъ памятниковъ. Аксаковъ говоритъ по этому поводу: «Пѣсни во многихъ случаяхъ удивляютъ исторической вѣрностью» и подкрѣпляетъ это свое положеніе такимъ примѣромъ. Есть среди Кіевскихъ богатырей Ставръ Годиновичъ, имѣющій женою Василису Микулишну. Этотъ Ставръ-бояринъ говорилъ наединѣ съ товарищами такія рѣчи: «Что это за крѣпость у великаго князя въ Кіевѣ? У меня-де, Ставра-боярина, широкій дворъ не хуже города Кіева, а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовыя, покрыты гридни сѣрымъ бобромъ, потолокъ въ гридняхъ черныхъ соболей, полъ, середа одного серебра, крюки да пробои до булату злачены». Провѣдалъ эти рѣчи князь Владимиръ Красно-Солнышко и приказалъ сковать Ставра-боярина, посадить его въ погреба глубокіе, дворъ его запечатати и молоду жену боярскую взять ко двору. Имя жены боярина Микулишна даетъ Аксакову право заключить, что Ставръ-новгородецъ, потому что въ новгородскомъ нарѣчіи Никола звучитъ Микула. Просматривая Новгородскую лѣтопись, онъ, дѣйствительно, находитъ тамъ свѣдѣніе, что въ 1118 г. нѣкто Ставръ-новгородецъ былъ посаженъ въ темницу. Аксаковъ впрочемъ вовсе не отрицаетъ множества анахронизмовъ въ былинахъ, но признаетъ ихъ уже позднѣйшими наслоеніями, лишь впослѣдствіи времени исказившими несомнѣнную историческую достовѣрность первоначальной редакціи пѣсенъ.

Именно къ такимъ наслоеніямъ относитъ онъ упоминаніе въ былинахъ орды, названій народовъ: Алюторы (кстати замѣтимъ, что по поводу этого имени между Аксаковымъ и Бѣлинскимъ существуетъ разногласіе: первый говоритъ, что

въ данномъ случаѣ разумѣется существующій еще и до нынѣ въ Сибири народъ, второй же полагаетъ, что это имя русскій народъ придалъ лютеранамъ?!), Черкесы Пятигорскіе, Сорочина домополая, Чукчи и др., шахматной игры, нѣмецкой трубочки подзорной и проч.

Бѣлинскій, напротивъ, не видитъ въ былинахъ рѣшительно никакой исторической вѣрности, утверждая, что былины разнятся отъ сказки-складки только тѣмъ, что написаны въ сборникахъ стихами, а сказки прозою, и что въ противоположность сказкамъ, обнимающимъ цѣлую жизнь богатыря, касаются только какого нибудь одного момента ея. Массу анахронизмовъ Бѣлинскій объясняетъ тѣмъ, что «каждый пѣвунъ или сказочникъ измѣнялъ ихъ (т. е. былины) по своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то перешначивая старые».

Покончивъ такимъ образомъ съ вопросомъ объ исторической достовѣрности нашего эпоса, мы перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, является ли каждая былина чѣмъ-то отдѣльнымъ, не имѣющимъ связи съ другими былинами, или всѣ онѣ тѣсно связаны между собою, образуютъ своею совокупностью одну цѣлую эпопею. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу у Аксакова: «...утвердительно можно сказать, что эти пѣсни не дошли до насъ во всей полнотѣ; иная пѣсня очевидно представляетъ отрывокъ, иная намекаетъ на событія, неизвѣстныя намъ, и даетъ чувствовать, что была, можетъ быть, цѣлая эпопея, теперь утраченная въ своей цѣльности. Но во всякомъ случаѣ видно и теперь, что всѣ эти разсказы составляютъ одно живое цѣлое; они соединены между собою не однимъ какимъ либо великимъ событіемъ, собравшимъ людей около себя, а жизнью, единствомъ жизни: это цѣлый міръ, движущійся и играющій одною жизнью, весь ею проникнутый». Нѣсколько далѣе Аксаковъ объясняетъ, въ чемъ заключается это единство жизни: «...Христіанство, говоритъ онъ, главная основа всего Владимирова міра. Это вся Русь, собранная въ единое цѣлое христіанствомъ около Владимира, князя просвѣтителя. Радость,

проникнувшая жизнь послѣ возрожденія ея христіанствомъ,— праздникъ, братскій пиръ» [1]).

Мнѣніе Бѣлинскаго на этотъ разъ совершенно расходится съ мнѣніемъ Аксакова. «Намъ удавалось, говоритъ онъ, слышать *до крайности странное* мнѣніе, будто изъ нашихъ сказочныхъ поэмъ можно составить одну большую цѣлую поэму, подобно тому, какъ будто бы изъ рапсодовъ была составлена Иліада. Теперь уже и относительно Иліады многими оставлено такое мнѣніе, какъ неосновательное; что же до нашихъ рапсодовъ, то мысль склеить ихъ въ одну поэму есть злая насмѣшка надъ ними. Поэма требуетъ единства мысли, а вслѣдствіе ея гармоніи въ частяхъ и цѣльности въ общемъ. Изъ содержанія нашихъ рапсодовъ мы увидимъ, что искать въ нихъ общей мысли все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ: они ничѣмъ не связаны между собою; содержаніе всѣхъ ихъ одинаково обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія къ прозѣ содержится въ нихъ, какъ ложка меду къ бочкѣ дегтю. (Это замѣчаніе можетъ служить дополненіемъ къ сказанному нами выше по поводу вопроса о художественномъ достоинствѣ нашихъ былинъ). Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней; каждая изъ нихъ, сама по себѣ, не вытекаетъ изъ предыдущей, не заключаетъ въ себѣ начала послѣдующей... ...Въ нашихъ рапсодахъ нѣтъ общаго событія, нѣтъ одного героя. Хоть и наберется поэмъ съ двадцать, въ которыхъ упоминается имя великаго князя Владимира Красна-Солнышка, но онъ является въ нихъ внѣшнимъ только героемъ... Что касается до связи этихъ поэмъ, то нѣкоторыя изъ нихъ точно должны бы слѣдовать въ книгѣ одна за другою, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ Калайдовичъ, напечатавшій ихъ, вѣроятно, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ сборникѣ К. Данилова. Но это относится къ очень не-

[1]) Эти слова Аксакова сказаны въ объясненіе постоянныхъ пировъ кн. Владиміра.

многимъ, такъ что не болѣе трехъ могутъ составить одно цѣлое, и это одно всегда имѣетъ своего героя, помимо Владимира, о которомъ во всѣхъ равно упоминается». Далѣе при изложеніи содержанія былинъ Бѣлинскій не разъ отмѣчаетъ противорѣчія одной былины другой и иронически восклицаетъ: «Вотъ тутъ и извольте составлять одну цѣлую поэму изъ народныхъ рапсодовъ!»

Такимъ образомъ это единство жизни, такъ глубоко подмѣченное Аксаковымъ, осталось совершенно скрытымъ отъ взора Бѣлинскаго. Конечно, въ томъ видѣ, какъ онѣ были во время Бѣлинскаго, эти былины не могли составить одно цѣлое, но, можетъ быть, мнѣніе Аксакова, что это — явленіе чисто случайное, вызванное не болѣе, какъ порчею или утратою нѣкоторыхъ пѣсенъ, не лишено серьезнаго основанія.

Ознакомившись такимъ образомъ съ мнѣніями Аксакова и Бѣлинскаго по поводу вопросовъ, касающихся всего нашего эпоса, мы перейдемъ теперь къ вопросу о взаимномъ отношеніи былинъ кіевскаго цикла къ былинамъ новгородскимъ и, остановившись преимущественно на первыхъ, ибо вторыхъ Аксаковъ вовсе не касается въ своей статьѣ, попытаемся сдѣлать параллельныя характеристики: 1) русскаго идеальнаго богатыря; 2) отношеній богатырей къ князю и 3) отдѣльныхъ героевъ эпоса.

Относительно вопроса о взаимномъ отношеніи былинъ кіевскихъ и новгородскихъ читаемъ у Аксакова слѣдующее краткое замѣчаніе: «...Языкъ и строй ихъ (т. е. былинъ кіевскихъ) различается во многомъ отъ пѣсенъ Новогородскихъ..., при сравненіи ихъ живо чувствуешь, что пѣсни Владимировы древнѣе и по содержанію и по изложенію».

Не то видимъ мы у Бѣлинскаго, который ставя вообще пѣсни новгородскія неизмѣримо выше кіевскихъ по присутствію въ нихъ поэзіи, силы въ выраженіи и идеи, находитъ, что въ кіевскихъ пѣсняхъ «все новгородское: и изобрѣтеніе, и вы-

раженіе, и тонъ, и колоритъ, и замашка, и, наконецъ, эти герои богатыри изъ купцовъ, какъ Иванъ Гостиный сынъ, и др.»... Василій Буслаевъ явно новгородская поэма—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но, сличивши эту поэму со всѣмъ цикломъ богатырскихъ сказокъ временъ Владимира,—нельзя не видѣть, что всѣ онѣ какъ будто бы сочинены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это показываетъ, что всѣ онѣ дѣйствительно сложены въ Новѣгородѣ, и богатырскія сказки о Владимірѣ красномъ-солнышкѣ были не чѣмъ инымъ, какъ воспоминаніемъ Новогородца о своей прежней родинѣ. Измѣнившись и выродившись, изъ земледѣльца или ратника южной Руси ставъ новогородскимъ купчиною, Новогородецъ воскресилъ смутныя преданія о первобытной родинѣ по идеалу современнаго быта своей новой и настоящей отчизны. И поэтому изъ преданія онъ взялъ одни имена и нѣкоторые смутные образы,—и Владимиръ красно-солнышко является у него такимъ же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и Дунай-сынъ-Ивановичъ, берега котораго тоже были нѣкогда его отчизною. Но Дунай и остался въ пѣсняхъ миоическимъ воспоминаніемъ; а Владимиръ великій князь Кіевскій стольный превратился, въ поэмахъ Новогородца, въ какого-то купчину, гостя богатаго и по рѣчамъ, и по манерамъ, и по складу ума. Отъ того же и княгиня Апраксѣевна, равно какъ и всѣ героини Киршевыхъ поэмъ, такъ похожи на купчихъ, съ повязанными головами, разбѣленныхъ, разрумяненныхъ, съ черными зубами и чарами зелена вина въ рукахъ»...

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мнѣнія Аксакова и Бѣлинскаго діаметрально противоположны.

Теперь у насъ на очереди стоитъ характеристика русскаго богатыря. Къ сожалѣнію Аксаковъ не дѣлаетъ такой характеристики, и поэтому мы въ настоящемъ случаѣ не можемъ сослаться ни на одно цѣльное мѣсто его труда. Мы принуждены довольствоваться всего лишь нѣсколькими краткими замѣчаніями, совокупность которыхъ дастъ намъ не менѣе краткій отвѣтъ

на нашъ вопросъ. По мнѣнію Аксакова всѣ характеры русскихъ богатырей «опредѣленны и художественны». Всѣ наши богатыри православнаго вѣроисповѣданія; почтительность къ родителямъ, добрый и прямой характеръ — ихъ отличительныя качества. Но при всемъ томъ они—сыновья своего времени, чѣмъ и объясняется ихъ суровость, съ нашей точки зрѣнія превосходящая иногда всякую мѣру.

Гораздо больше мѣста удѣляетъ нашему вопросу Бѣлинскій въ своемъ трудѣ. «...Въ старину, говоритъ онъ, на Руси почти всѣ богатыри, умники, грамотники, искусники, художники, мастера были отъявленными пьяницами». Объясняя пьянство на Руси неопредѣленностью общественныхъ отношеній и сжатою извнѣ внутреннею силою русскаго народа, Бѣлинскій замѣчаетъ далѣе: «Зелено вино, часто бывая причиною промаховъ и неуспѣховъ русскаго человѣка, иногда бываетъ и истиннымъ его вдохновеніемъ. И потому мудрено-ли, что русскіе богатыри единымъ духомъ выпиваютъ чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра... Вообще идеалъ русскаго богатыря — физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями — даже надъ здравымъ смысломъ. Коли ужъ богатырь ему все возможно, и противъ него ничто неустоитъ: объ стѣну лбомъ ударится—стѣна валится, а на лбу и шишечки нѣтъ... Наши богатыри—тѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные. У нихъ нѣтъ никакихъ понятій о доблести и долгѣ, имъ всякая служба хороша, для нихъ всякая удаль—подвигъ: и цѣлое войско побить и конемъ потоптать, и единымъ духомъ выпить полтора ведра зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, и настрѣлять къ княженецкому столу гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ сѣрыхъ уточекъ, и стольничать и приворотничать. А между тѣмъ въ этихъ неопредѣленныхъ, дикихъ и безобразныхъ образахъ есть уже начало духовности, которой не доставало только исторической жизни, чтобы возвыситься до мысли и возрасти до опре-

дѣленныхъ образовъ, до полныхъ и прозрачныхъ идеаловъ: мы разумѣемъ эту отвагу, эту удаль, этотъ широкій разметъ души, которому море по колѣно, для котораго и радость и горе — равно торжество, которое на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ, — этотъ убійственный сарказмъ, эту простодушно язвительную иронію надъ жизнью, надъ собственностью, надъ чужою удалью, надъ собственною и чужою бѣдою, эту способность, не торопясь, не задыхаясь, воспользоваться удачею и такъ же точно поплатиться счастьемъ и жизнью, эту несокрушимую мощь и крѣпость духа, которыя — повторяемъ — есть какъ-бы исключительное достоинство русской натуры»...

Такимъ образомъ Бѣлинскій, расходясь съ Аксаковымъ во мнѣніи относительно художественности и опредѣленности характеровъ богатырей, даетъ отвѣтъ на нашъ вопросъ совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ Аксаковъ.

Передъ нами теперь вопросъ объ отношеніяхъ богатырей къ Владиміру Красному-Солнышку. Аксаковъ и поэтому поводу ограничивается лишь краткими замѣчаніями. По его словамъ въ былинахъ вовсе не замѣчается аристократическаго начала и для князя Владиміра всѣ богатыри, хотя они и различнаго происхожденія, совершенно равны. Со стороны богатырей такъ же не видно никакого униженія передъ княземъ. Бѣлинскій не посвящаетъ нашему вопросу ни одного цѣльнаго мѣста; онъ отрывочно отмѣчаетъ факты, что богатыри съѣзжаются на княжескіе пиры, принимаютъ изъ рукъ князя зеленымъ виномъ наполненныя чары, что князь Владиміръ ни въ какихъ подвигахъ богатырскихъ не принимаетъ участья, что богатыри стрѣляютъ дичь для княжескаго стола, что они готовы стольничать и приворотничать, но никакихъ выводовъ изъ этихъ замѣчаній мы въ его статьѣ не находимъ. Такимъ образомъ нашъ вопросъ очень слабо разобранъ и у Аксакова и у Бѣлинскаго, но и въ томъ, что сказано можно уже отмѣтить одно противорѣчіе: по словамъ Аксакова не замѣтно никакого униженія богатырей передъ княземъ, а по словамъ Бѣлинскаго

богатыри и дичь къ столу князя стрѣляютъ, и сверхъ того готовы стольничать и приворотничать у него.

Теперь мы переходимъ къ параллельнымъ характеристикамъ отдѣльныхъ героевъ нашего эпоса. Здѣсь прежде всего передъ нами самъ ласковый князь Владиміръ Красное-Солнышко, центръ всего нашего Кіевскаго былиннаго цикла. По мнѣнію Аксакова былинный Владиміръ—личность обновленная, въ которой уже нѣтъ слѣдовъ прежняго язычества. Такъ, напримѣръ, нигдѣ не говорится о его женолюбіи. Вообще образъ Владиміра не величавъ, но добродушенъ, привѣтъ и ласка—его неотъемлемыя качества. Иначе смотритъ на кіевскаго князя Бѣлинскій. «Владиміръ, говоритъ онъ, не является въ этихъ поэмахъ ни лицомъ дѣйствительнымъ, ни характеромъ опредѣленнымъ, а напротивъ какою-то миѳическою полутѣнью, какимъ-то сказочнымъ полуобразомъ, болѣе именемъ, нежели человѣкомъ. Такъ-то поэзія всегда вѣрна исторіи, чего не сохранила исторія, того не передаетъ и поэзія, а исторія не сохранила намъ образа Владиміра-язычника, поэзія же не дерзнула коснуться Владиміра-христіанина... Владиміръ, женящійся отъ живой жены, есть язычникъ».

Что касается до супруги Владиміра—княгини Апраксѣевны, то ее Аксаковъ очерчиваетъ только краткимъ замѣчаніемъ: «влюбчива и сластолюбива». Болѣе подробно говоритъ о ней Бѣлинскій: «Въ княгинѣ Апраксѣевнѣ, читаемъ мы у него, олицетворенъ идеалъ любовницы,—идеалъ, котораго осуществленіе видимъ мы въ Маринѣ, непріятельницѣ Добрыни Никитича и любовницѣ Змѣя Горынчата. Странно только, какимъ образомъ народная фантазія, выразившая въ Апраксѣевнѣ народный идеалъ свергнувшей съ себя узы общественной нравственности и приличія женщины, навязала ее въ жены любимцу преданія, солнцу своей древней жизни и поэзіи—князю Владиміру».

Далѣе мы будемъ приводить взгляды нашихъ критиковъ на богатырей, держась того порядка, въ которомъ эти послѣдніе

перечисляются у Аксакова. Такимъ образомъ мы прежде всего встрѣчаемся съ Добрыней Никитичемъ. «Доброта и добродушіе, говоритъ Аксаковъ,—его отличительныя качества». Строгая казнь, совершенная Добрынею съ полнымъ спокойствіемъ надъ Мариною, по мнѣнію Аксакова, не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣнь обвиненія въ жестокости. Это обычай всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ подобный поступокъ не можетъ служить свидѣтельствомъ свирѣпости, вытекающей изъ личнаго ощущенія. Добрые и прямые, но часто суровые богатыри всѣ подчинены своему времени, въ немъ ходятъ и дѣйствуютъ. Одинъ Илья есть какъ-бы исключеніе изъ этого общаго правила. Аксаковъ ссылается для доказательства добродушія Добрыни на былину о немъ и Василье Казиміровичѣ. Въ ней разсказывается между прочимъ, что Батый заставляетъ нашего богатыря сперва играть съ нимъ въ тавлеи вальящатыя, затѣмъ биться съ тремя богатырями и наконецъ стрѣлять изъ лука, при чемъ Добрыня, имѣя полную возможность стрѣлять по Татарамъ, стрѣляетъ въ дубъ [1]). Запрещая женѣ своей вступать въ бракъ съ Алешей Поповичемъ въ томъ случаѣ, если ему не придется возвратиться домой черезъ 6 лѣтъ, т. е. если она останется вдовою, Добрыня, очевидно, что-то имѣетъ противъ этого богатыря. Въ одномъ варіантѣ, который, какъ думаетъ Аксаковъ, позднѣе редакціи Кирши Данилова, причина такой антипатіи указывается въ бабьемъ пересмѣшничествѣ и судейскомъ перелестничествѣ Алеши. На этотъ варіантъ Аксаковъ указываетъ, какъ на доказательство чистоты души Добрыни Никитича.

Очень сходно смотритъ на нашего героя и Бѣлинскій. Онъ характеризуетъ его, какъ человѣка честнаго и добраго, ненавистника лжи, притворства и хитрости, но вмѣстѣ съ тѣмъ простоватаго и мѣшковатаго. Звѣрскую казнь Марины онъ вы-

¹) Напеч. «Московскій Сборникъ», 1852, т. I.

водитъ не изъ личнаго ощущенія Добрыни, но вообще изъ свойства русской натуры. «Какая холодная и жестокая иронія!» восклицаетъ онъ. «Сколько въ ней грубаго и нечеловѣческаго! Это не казнь, а постепенное продолжительное мученіе. Здѣсь нѣтъ мгновеннаго порыва страсти, которая разитъ вдругъ, какъ молнія: здѣсь долго скрываемое, медленно разгоравшееся чувство мести высказывается сосредоточенно, холодно и медленно. Вдругъ сверкающая и мгновенно убивающая страсть не въ русской натурѣ: много нужно, чтобы возбудить въ русскомъ человѣкѣ страсть, и глухо, медленно разгорается она въ неприступныхъ и сокровенныхъ глубинахъ сердца; за то и не скоро остываетъ, а высказывается съ какою-то ужасающею ледяностью, тяжело и неповоротливо. Отъ нея нѣтъ спасенія, отъ нея нѣтъ пощады. И потому русскій богатырь не торопливъ на мщеніе: оно у него не остынетъ отъ сладкаго обѣда, не заснетъ отъ зелена вина; онъ можетъ и покушать и выспаться безъ всякаго вліянія на владѣющее имъ чувство. И это чувство проявляется у него грубо и жестоко, какъ у Добрыни Никитича, который казнитъ злую еретницу Марину».

Интересно отмѣтить характеристику этой Марины и крестной матери Добрыни Анны Ивановны, хотя у Аксакова мы и не находимъ ничего, сюда относящагося, и слѣдовательно въ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о сопоставленіи взглядовъ Аксакова и Бѣлинскаго.

Вотъ, что читаемъ мы въ статьѣ этого послѣдняго по поводу интересующаго насъ вопроса: «Что такое эта Марина — не мудрено понять: это родная сестра княгини Апраксѣевны, при томъ старшая сестра, далеко превосходящая ее въ полнотѣ выражаемой ею идеи. Это типъ женщины, живущей внѣ общественныхъ условій, свободно предающейся своимъ страстямъ и склонностямъ. Она въ связи со Змѣемъ Горынчатымъ — типомъ русскаго любовника...». Русскіе любовники по словамъ Бѣлинскаго всегда являются въ видѣ змѣя-чудовища, потому что любовь по понятіямъ русскаго народа даже и въ бракѣ

является элементомъ чуждымъ, враждебнымъ святости союза, внѣ же брака она считается уже совсѣмъ недозволенною, преступною контрабандою жизни. «Но она (Марина), продолжаетъ Бѣлинскій, не должна отличаться излишнею вѣрностью своему любовнику: она только больше другихъ любитъ его. Она умѣетъ и приворожить, и отлучить, и оборотить оборотнемъ. Она предается сама всѣмъ неистовствамъ и помогаетъ другимъ: ея теремъ пріютъ для всѣхъ веселыхъ людей обоего пола. Она горькая пьяница, еретница и безбожница. О граціозности ея нечего и говорить. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ замѣтить: Анна Ивановна, крестная мать Добрыни, еще мудренѣе и хитрѣе самой Марины: она и самоё Марину можетъ обратить во что захочетъ. Она другъ честной вдовы—матери Добрыни, она принимаетъ горячее участіе въ правомъ дѣлѣ; она сидитъ на пиру не хвастается; по всему этому она представительница добраго начала, какъ Марина злаго; она добрая, благодѣтельная волшебница, какъ Марина злая и вредная. Но она пьетъ зелено вино; ея слова Маринѣ дышатъ площаднымъ цинизмомъ; она бьетъ Марину по щекамъ, валяетъ ее на полъ, топчетъ ногами ея груди бѣлыя, словомъ: она въ граціи ни на волосъ не уступаетъ Маринѣ... Далѣе, изъ другихъ сказокъ, мы увидимъ, что идеалъ женщины по русской фантазіи всегда одинъ и тотъ же: это все таже Марина, только въ разныхъ видахъ...»

Это мѣсто, по нашему мнѣнію, такъ хорошо характеризуетъ взглядъ Бѣлинскаго на типъ женщины въ народномъ нашемъ героическомъ эпосѣ, что мы позволили себѣ привести его здѣсь цѣликомъ, хотя для нашей прямой цѣли, т. е. для сравненія взглядовъ Бѣлинскаго и Аксакова, оно по указанной выше причинѣ, и не имѣетъ значенія.

Передъ нами типъ Алеши Поповича и его названнаго брата и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы слуги—Екима Ивановича. Аксаковъ характеризуетъ Алешу какъ хитраго плута, берущаго обманомъ и способнаго на всякое дурное дѣло. Сверхъ того онъ—бабій пересмѣшничекъ и судейскій перелестничекъ. На-

глость Алеши ясно видна въ его спорѣ съ 40 каликами и Касьяномъ Михайловичемъ, при чемъ онъ стоитъ за явно неправое дѣло. Грубость и безчестность Алеши тѣмъ ярче выступаютъ тутъ, что рядомъ съ нимъ въ этой былинѣ дѣйствуетъ честный Добрыня со своимъ «вѣжествомъ рожденымъ и ученымъ». Въ самомъ дѣлѣ, какая разница! Алеша, черезъ котораго Апраксѣевна и дѣлала свое безчестное предложеніе Касьяну Михайловичу «долгіе вечеры посидѣти, забавны рѣчи побаити, а сидѣть-бы наединѣ въ спальнѣ съ ней», самъ по ея приказанію прорѣзалъ у Касьяна суму рыта бархата, запихалъ въ нее чарочку серебряну и, несмотря на все это, все таки рѣшается пуститься въ погоню за каликами и нагло ругается съ ними, обвиняя ихъ въ похищеніи этой чарочки! Совершенно въ другомъ свѣтѣ является Добрыня: онъ, какъ можно думать, не знаетъ всего хода дѣла, но тѣмъ не менѣе, нагнавъ каликъ, не ругаетъ ихъ, а челомъ бьетъ и вѣжливо проситъ «не навести гнѣва на князя Владимира, приказать обыскать калики перехожіе, нѣтъ-ли промежу нихъ глупаго». Въ довершеніе всего Аксаковъ указываетъ еще на корыстолюбіе Поповича. Илья Муромецъ на заставѣ не допускаетъ Алешу биться съ богатыремъ, опасаясь, что онъ заглядится на золото и серебро и будетъ побитъ.

Въ такомъ свѣтѣ представляетъ намъ Аксаковъ Алешу Поповича, добавляя еще, что въ 2 пѣсняхъ сборника Кирѣевскаго онъ является, какъ безсовѣстный соблазнитель дѣвушекъ. Совершенно иначе смотритъ онъ на Екима Ивановича. По его словамъ, это — страшная, но смирная и безотвѣтная сила, всегда находящаяся въ услугахъ у другихъ богатырей (ср. поговорку: «Екимъ простота»). «Екимъ Ивановичъ, продолжаетъ Аксаковъ, нуженъ Алешѣ, какъ вѣрный мечъ, не присвоивающій себѣ чужихъ подвиговъ, какъ работникъ и грамотный человѣкъ».

Прежде, чѣмъ перейти ко взгляду Бѣлинскаго, намъ кажется необходимымъ указать на 2 неясныхъ мѣста въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ. Первое такое мѣсто мы видимъ при

описаніи калики перехожаго, встрѣтившагося Алешѣ и Екиму Ивановичу близъ Кіева. Читаемъ:

Лапотки на немъ семи шелковъ
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболина, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ палица свинцу
чебурацкаго.

Здѣсь послѣднія 2 строчки какъ-бы противорѣчатъ одна другой. Вторая неясность замѣчается въ томъ, какимъ образомъ Тугаринъ, убитый Алешей, вдругъ оказывается ожившимъ и появляетя на пиру у Владимира.

Первое затрудненіе Аксаковъ устраняетъ, говоря: «...Алеша беретъ шелепугу въ 50 пудъ (другая была въ 30)». Такое употребленіе, по его словамъ, встрѣчается въ пѣсняхъ сплошь и рядомъ, хотя онъ самъ не приводитъ ни одного примѣра.

Изъ втораго затрудненія Аксаковъ выходитъ, предполагая, что часть былины, объяснявшая причину появленія Тугарина на пиру, утеряна, и указывая, что въ открытыя палаты кн. Владимира могъ свободно проникать всякій. Это все такъ, но какъ могъ Тугаринъ, убитый Алешей, снова ожить? Вотъ этотъ вопросъ Аксаковъ оставляетъ открытымъ.

Теперь обратимся къ Бѣлинскому.

Вотъ, что мы у него читаемъ: «Поповичъ—это богатырь болѣе хитрый, чѣмъ храбрый, больше находчивый чѣмъ сильный. Онъ идетъ на битву съ Тугаринымъ, переодѣвшись, подъ чужимъ видомъ; завидя врага, онъ «едва живъ идетъ» (разумѣется отъ трусости); на возгласъ Тугарина прикидывается глухимъ, и — когда тотъ подходитъ къ нему ближе, чтобы гово-

ворить съ нимъ, а не сражаться—онъ вдругъ хватаетъ его по головѣ шелепугою въ 30 пудъ; Тугаринъ предлагаетъ ему побороться, но не на таковскаго напалъ: Алеша не дается въ обманъ по великодушію рыцарскому — «втапоръ Алеша врагу не вѣровалъ». Готовый ко второй битвѣ, онъ, въ смиренномъ сознаніи своихъ богатырскихъ силъ, молится о дождѣ, чтобы подмочило у Змѣя бумажныя крылья,—и когда тотъ полетѣлъ на него, онъ опять прибѣгаетъ къ обману: «ты—говоритъ онъ ему—держалъ закладъ биться со мною одинъ на одинъ, а за тобою сила несмѣтная противъ меня». Змѣй оглядывается назадъ, и Алеша въ эту минуту рубитъ ему голову».

Относительно Екима Ивановича Бѣлинскій говоритъ. «Екимъ Ивановичъ—добрый и честный богатырь: но онъ служитъ Алешѣ и безъ его спросу ничего не дѣлаетъ. Это—меньшой названный братъ его; это добродушная, честная сила, добровольно покорившаяся хитрому уму».

Указанныя выше темныя мѣста въ былинѣ не ускользнули и отъ вниманія Бѣлинскаго, но онъ вовсе не видитъ возможности разрѣшить ихъ, выйти изъ этихъ затрудненій. По поводу перваго мѣста онъ замѣчаетъ:—«Вопросъ: какъ-же шелепуга могла быть въ тридцать пудъ, если одного свинцу въ ней было пятьдесятъ пудъ?» По поводу втораго мѣста Бѣлинскій восклицаетъ:... «Вдругъ—о чудо!—на золотой доскѣ 12 богатырей несутъ Тугарина Змѣевича—того самаго, которому такъ недавно Алеша отрубилъ голову,—несутъ живаго и сажаютъ на большое мѣсто».

Далѣе у насъ на очереди стоитъ Дунай Ивановичъ. Въ немногихъ словахъ, но довольно полно характеризуетъ его Аксаковъ. «Дунай, говоритъ онъ, очевидно пришелецъ изъ другихъ странъ; буйный духомъ, онъ отличается какою-то особою горделивою осанкою». Итакъ, Аксаковъ считаетъ Дуная Ивановича героемъ пришлымъ, а не такимъ своимъ, домашнимъ, каковы всѣ другіе богатыри Кіевскаго цикла. Бѣлинскій смотритъ на этотъ вопросъ иными глазами, что, по на-

шему мнѣнію, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста, на которое мы уже имѣли случай ссылаться нѣсколько выше, именно, говоря о Новогородскихъ былинахъ, онъ замѣчаетъ, что онѣ очень сходны съ Кіевскими, и причину такаго сходства указываетъ въ томъ, что Кіевскія былины въ Новгородѣ подвергались переработкѣ, когда прежній земледѣлецъ или ратникъ южной Руси сталъ уже новогородскимъ купчиною. Но Новгородецъ воскресилъ смутныя преданія о своей бывшей родинѣ по «идеалу современнаго ему быта своей новой и настоящей отчизны». «Поэтому, продолжаетъ Бѣлинскій, изъ преданія онъ взялъ одни имена и нѣкоторые смутные образы,—и Владимиръ Красно-Солнышко является у него такимъ-же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и Дунай сынъ-Ивановичъ, берега котораго тоже были нѣкогда его отчизною». Изъ этой фразы, намъ кажется, можно ясно видѣть, что Бѣлинскій вовсе не признаетъ Дуная богатыремъ-пришельцемъ, стоящимъ особнякомъ въ ряду Кіевскихъ богатырей. Далѣе у Бѣлинскаго нѣтъ нигдѣ указанія на особую, горделивую осанку Дуная, онъ какъ намъ кажется, считаетъ его по характеру совершенно сходнымъ съ другими богатырями, хотя и ставитъ выше Алеши Поповича и Екима Ивановича, «потому что въ немъ есть и умъ, и смѣтливость, и богатырская рьяность, и прямота силы и храбрости, на себя опирающейся». Что Дунай по мнѣнію Бѣлинскаго не отличается своимъ характеромъ отъ другихъ русскихъ богатырей, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его статьи: «Если Дунай не совсѣмъ вѣжливо и далеко не по-рыцарски обошелся съ Настасьей Королевишной — *это не его вина: тутъ выразилось сознаніе цѣлаго народа* о любви и отношеніяхъ половъ. Сама Настасья не видитъ ничего страннаго, или обиднаго для нея ни въ томъ, что Дунай билъ ее по щекамъ и угощалъ пинками, ни въ томъ, что онъ ей кинжалищемъ булатнымъ хотѣлъ вспороть груди бѣлыя: она съ тѣмъ и отпросилась у батюшки, что кто ее въ полѣ побьетъ, тотъ и за себя замужъ возьметъ...

Всѣ богатыри хвастливы, особенно въ русскихъ сказкахъ; всѣ богатыри любятъ подпить, особенно русскіе: потому не удивителенъ вызовъ Дуная состязаться съ женою въ стрѣльбѣ. Просьбы другихъ, слезы жены только болѣе подстрекаютъ его богатырскую рьяность и раздражаютъ упорный характеръ. Убивъ жену, онъ спѣшитъ вспороть ей бѣлыя груди: ни слезы, ни вздоха для нея; но при видѣ сына, которому онъ не далъ своею опрометчивостью созрѣть настоящимъ образомъ, въ немъ пробуждается чувство отеческое, а слѣдовательно и человѣческое чувство. Печаль его разрѣшается въ отчаяніе, разрѣшающееся самоубійствомъ».

Прежде, чѣмъ перейти къ слѣдующему богатырю—Чурилѣ Пленковичу, намъ кажется не лишнимъ для полноты привести и характеристику Настасьи Королевишны, супруги Дуная Ивановича, которую мы находимъ у Бѣлинскаго. Она, по его словамъ,—осуществленіе идеала амазонки по представленію русскаго народа: одолѣвъ Дуная, она тоже вспорола бы ему грудь чингалищемъ булатнымъ. Далѣе, она должна рождать богатырей, а потому и сама богатырь, чѣмъ и объясняется ея удивительная способность стрѣльбы изъ лука.

Передъ нами теперь стоитъ опять новый, совершенно иного характера красавецъ-богатырь Чурила Пленковичъ. Кромѣ былины, спеціально посвященной ему, этотъ богатырь выступаетъ передъ нами еще и въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ. Аксаковъ такъ характеризуетъ этого совершенно-оригинальнаго богатыря: «Чурила Пленковичъ—изнѣженный щеголь и волокита; объ силѣ его нигдѣ не говорится, онъ знаменитъ своею дружиною, но онъ находится среди богатырей и нѣтъ повода считать Чурилу, не заслуживающимъ этого званія. За то много говоритъ пѣсня о пышности и щегольствѣ Чурилы... Это богатырь-начальникъ дружины, роскошный, щеголеватый, изнѣженный и волокита. Щегольство доходитъ до того, что передъ нимъ несутъ зонтикъ (подсолнечникъ). Отношенія къ женѣ Бермяты достаточно дополняютъ характеръ его. Въ пѣснѣ о Дюкѣ

Степановичѣ тотъ же характеръ; кто склоненъ къ чванству, тотъ замѣтитъ чванство другого и обидится имъ; кто щеголь, тотъ прежде всѣхъ замѣтитъ щегольство другого и, какъ скоро оно въ большихъ размѣрахъ, также обидится имъ».

У Бѣлинскаго читаемъ такую характеристику: «Чурила Пленковичъ, приводимъ его слова буквально, выдается изъ всего круга Владимировыхъ богатырей: это самая гуманная личность между ними, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ женщинамъ, которымъ онъ, кажется, посвятилъ всю жизнь свою. И поэтому въ поэмѣ о немъ нѣтъ ни одного грубаго и пошлаго выраженія; напротивъ, его отношенія къ Катеринѣ Прекрасной отличаются какою то рыцарскою граціозностью и означаются болѣе намеками, нежели простыми словами. Въ первый разъ онъ позамѣшкался у молодой жены стараго Бермяты, во второй разъ тайна его посѣщенія выдается предательскою порошею и оглашается не его хвастовствомъ, а рѣчами другихъ, и рѣчами, противъ обыкновенія, умѣренными, даже поэтическими. За Чурилу можно поручиться, что онъ не сталъ бы ломаться надъ жертвою своего соблазна, не сталъ бы хвалиться побѣдою во честномъ пиру; тѣмъ болѣе можно поручиться, что онъ не сталъ бы бить женщину по щекамъ, или толкать ее пинькамн— «женскій-де полъ отъ того пухолъ бываетъ». А между тѣмъ онъ не нѣженка, не сантиментальный вздыхатель, а сильный могучій богатырь, удалой предводитель дружины храброй. Конечно, онъ смѣшонъ, когда передъ нимъ, вмѣсто китайскаго зонтика, несутъ подсолнечникъ (?!), чтобы не загорѣлось отъ солнца его лицо бѣлое; но онъ смѣшонъ граціозно: онъ женскій угодникъ, который дорожитъ своею наружностью, а не нѣженка запечный, не беззубый и безкогтый левъ нашего времени». Такимъ образомъ Бѣлинскій видитъ въ характерѣ Чурилы тѣ же черты, что и Аксаковъ, но разница между ними заключается въ томъ, что Аксаковъ, повидимому, считаетъ эти черты несимпатичными, Бѣлинскій же наоборотъ крайне симпатичными, граціозными. Кромѣ того очень странно

видѣть, что Бѣлинскій не понялъ значенія слова «подсолнечникъ» и принялъ его въ буквальномъ смыслѣ. Но всего страннѣе то, что Чурила Пленковичъ, представляющій изъ себя типъ любовника, волокиты, вовсе не является въ пѣсняхъ въ видѣ змѣя, который, какъ мы уже говорили, по мнѣнію Бѣлинскаго есть непремѣнное олицетвореніе такого типа согласно съ понятіемъ русскаго народа о любви. Авторъ нашей статьи однако нисколько не смущается такимъ курьезомъ, объясняя его тѣмъ, что «въ лицѣ Чурилы народное сознаніе о любви какъ бы противорѣчило себѣ, какъ бы невольно сдалось на обаяніе соблазнительнѣйшаго изъ грѣховъ. Чурила—волокита, но не въ змѣиномъ родѣ». Такимъ образомъ Бѣлинскій остается вѣренъ своему взгляду. «Крайности сходятся, продолжаетъ онъ; въ фанатической Испаніи бывали примѣры вольнодумства, а въ Римѣ іерархія встрѣтила себѣ оппозицію прежде, чѣмъ въ самой Германіи. Въ этихъ случаяхъ должно брать въ соображеніе перевѣшивающій элементъ, а въ исключительныхъ явленіяхъ видѣть или случайности, или возможность въ будущемъ вступленія въ свои права и даже перевѣса противоположнаго элемента. И потому мы смотримъ на тугариныхъ, какъ на нѣчто положительное, дѣйствительное и настоящее въ жизни древней Руси; а на Чурилу—какъ на фактъ, свидѣтельствовавшій о возможности въ будущемъ другого рода любовниковъ, какъ на новый элементъ жизни, только подавленный, но не несуществующій».

Теперь передъ нами стоитъ грандіозная фигура Ильи Муромца. К. Аксаковъ считаетъ это лицо нашего эпоса главою всего Кіевскаго богатырства, главнымъ богатыремъ князя Владимира. Не то думаетъ Бѣлинскій, считая любимымъ русскимъ богатыремъ, богатыремъ изъ богатырей, какъ это ни странно, Ваську-Пьяницу! Согласно со своимъ взглядомъ на мѣсто Ильи въ ряду другихъ богатырей, К. Аксаковъ останавливается на немъ нѣсколько дольше. Для характеристики его онъ пользуется не только былинами, помѣщенными въ сборникѣ Кирши Да-

нилова, но и еще 2-мя былинами, открытыми уже послѣ изданія этого сборника и помѣщенныя: первая въ «Москвитянинѣ» за 1843 г., № 11, вторая въ I-мъ т. «Московскаго Сборника» (который однако не былъ изданъ), а равно и всѣми разсказами и преданіями о немъ.

«Илья Муромецъ, говоритъ Аксаковъ, одинъ старъ и превосходитъ силою всѣхъ остальныхъ (богатырей). Пѣсня не придаетъ ему присловія «удалый», и точно въ немъ нѣтъ удальства. Всѣ подвиги его степенны и все въ немъ степенно: это тихая, непобѣдимая сила. Онъ не кровожаденъ, не любитъ убивать и, гдѣ возможно, уклоняется даже отъ нанесенія удара. Спокойствіе нигдѣ его не оставляетъ; внутренняя тишина духа выражается и во внѣшнемъ образѣ, во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ. Въ немъ слышится, не смотря на страшную внѣшнюю силу, еще болѣе силы духа. Это неодолимо могучій и кроткій богатырь-крестьянинъ»... «Въ этомъ образѣ любимаго русскаго богатыря какъ не узнать образа самаго русскаго народа?»

Далѣе Аксаковъ подтверждаетъ эти свои мысли пересказомъ содержанія самыхъ былинъ. Такъ, разсказавъ то мѣсто былины, гдѣ Муромецъ, схвативъ татарина и побивая имъ другихъ татаръ, дивится крѣпости своей жертвы и грозитъ разбить его «въ крохи пирожныя», Аксаковъ замѣчаетъ: «...Какое нужно спокойствіе силы, чтобы замѣтить крѣпость татарина въ такую минуту и чтобы пошутить такъ!» Добродушіе и некровожадность Ильи подтверждаетъ встрѣча его со Збутомъ, Борисомъ Королевичемъ: въ отвѣтъ на дерзость Збута, пустившаго стрѣлу въ грудь Ильи, старый богатырь не убиваетъ его, какъ это сдѣлали бы другіе русскіе богатыри, а только даетъ ему почувствовать свою силу, бросая его «выше дерева стоячаго».

Замѣтимъ, что эта былина о встрѣчѣ Ильи со Збутомъ кажется Аксакову замѣчательно художественною: «Какъ художественна, говоритъ онъ, минута, когда отвязываетъ Збутъ

выжлоки и пускаетъ сокола, увидѣвъ Илью, (теперь-де мнѣ не до тебя). Это многозначительная минута, но почему? Сама эта неизвѣстность составляетъ художественную прелесть. Это частное явленіе, которое даетъ почувствовать много другихъ явленій, его окружающихъ и съ нимъ связанныхъ, теряющихся въ безконечномъ пространствѣ жизни. Это то и есть художественность». Кромѣ этого темнаго намека въ нашей былинѣ есть и еще одна неясность, именно: какимъ образомъ отцомъ Збута Королевича оказывается Илья? Аксаковъ замѣчаетъ по этому поводу: «Збутъ не называетъ себя сыномъ короля Задонскаго (въ былинѣ дѣйствительно Збутъ говоритъ только: «я того короля Задонскаго»). Мать его тоже скорѣе дочь короля Задонскаго (ср. наши фамиліи Живаго, Бѣлаго и (былинное) «Алеша изъ Ростова—того попа соборнаго» и др.). Но всетаки это дѣло темное, можетъ быть впослѣдствіи оно и разрѣшится и навѣрно согласно съ чистымъ, благимъ и великимъ образомъ Ильи Муромца».

Только въ былинѣ о встрѣчѣ Ильи со Святогоромъ (котораго, замѣтимъ кстати, Аксаковъ не называетъ по имени) нашъ богатырь измѣняетъ своему характеру и вступаетъ съ нимъ въ состязаніе, но «это, говоритъ Аксаковъ, понятно: онъ мѣритъ силу съ богатыремъ стихіею, съ воплощеннымъ чудомъ и здѣсь понятно и возможно такое желаніе въ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ». Противорѣчитъ характеристикѣ Аксакова и тотъ образъ Ильи, который рисуетъ намъ былина, напечатанная въ «Москвитянинѣ». Здѣсь нашъ богатырь представляется намъ опьянѣвшимъ, ломающимъ на княжескомъ пиру скамьи, гнущимъ сваи, загоняющимъ гостей въ уголъ. Но Аксаковъ утверждаетъ, что эта пѣсня принадлежитъ уже къ древности позднѣйшей. Основаніе своему мнѣнію онъ видитъ въ иномъ характерѣ отношеній князя къ богатырю, въ слѣдующемъ выраженіи Ильи въ отвѣтѣ князю: «ко вашею ко милости». О позднѣйшей древности указанной былины свидѣтельствуютъ по мнѣнію его и слѣдующіе стихи:

«Полетѣло изъ дымолокъ *кирпичье заморское*,
«Полетѣли изъ оконницъ стекла *аглицкія*».

Наконецъ, когда Илья убилъ Соловья-разбойника и пріѣхалъ потомъ въ Кіевъ, его привели ко князю, но посадили, какъ крестьянина, уже на низкое мѣсто: съ краю стола и съ краю скамьи, и князь уже не наливаетъ ему чары зелена вина, пока Илья наконецъ не попросилъ, чтобы ему налили «чашу обѣручную». Недовольный такимъ пріемомъ, Илья не хочетъ остаться служить князю и какъ то вдругъ исчезаетъ съ пира. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Аксакова, что все это, вмѣстѣ взятое, должно указывать на сравнительно позднее время сложенія разсматриваемой былины.

Теперь обратимся къ Бѣлинскому. Немного строкъ посвящаетъ онъ характеристикѣ любимаго русскаго богатыря. «Илья Муромецъ, читаемъ мы у него,—отличается отъ всѣхъ другихъ богатырей. Онъ—старъ человѣкъ, на пирахъ не похваляется, онъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, и вся остальная часть его жизни посвящена была на очищеніе проѣзжихъ дорогъ отъ разбойниковъ и разныхъ чудовищъ. Это русскій Геркулесъ». Далѣе Бѣлинскій излагаетъ содержаніе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и послѣ изложенія встрѣчи его со Збутомъ Борисомъ Королевичемъ замѣчаетъ: «...Изъ этой сказки видно, что Илья Муромецъ былъ сильнѣе всѣхъ богатырей, и самого Добрыни, и что, хотя онъ съ дамами обращался въ духѣ русскаго рыцарства (здѣсь разумѣется обращеніе Ильи съ бабою Горынинкой, послѣ встрѣчи со Збутомъ), однако не чуждъ былъ и любовныхъ похожденій... Вообще это одна изъ самыхъ нескладныхъ и дикихъ сказокъ».

Такимъ образомъ мнѣнія Аксакова и Бѣлинскаго въ данномъ случаѣ весьма значительно расходятся между собою. Факты, конечно, заимствованы изъ одного источника и поэтому сходны, но оцѣнка нравственной личности Ильи совершенно различна у нихъ.

Гораздо подробнѣе говоритъ Бѣлинскій о своемъ излюбленномъ богатырѣ, о Васькѣ-Пьяницѣ. Мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя, болѣе важныя мѣста его характеристики, потому что полная цитата заняла бы у насъ слишкомъ много мѣста. «Хотя лицо Васьки-пьяницы, говоритъ онъ, появляется какъ бы вскользь, мимоходомъ, однако оно столь же, если еще не болѣе, важно, какъ и лица всѣхъ другихъ героевъ народной фантазіи. Знаете ли вы, читатели, что такое Васька-пьяница? Если вы засмѣетесь надъ этимъ приложеніемъ къ собственному имени, надъ этимъ тривіальнымъ и безнравственнымъ прозвищемъ пьяницы, если оно покажется вамъ смѣшнымъ, или пошлымъ,—вы не понимаете глубоко миѳическаго значенія Васьки... Этотъ Васька — любимое дитя народнаго сознанія, народной фантазіи; это не олицетвореніе слабости или порока, въ поученіе и назиданіе другихъ; это напротивъ похвальба слабостію, какъ удальствомъ и молодечествомъ, апоѳеоза порока, о которомъ идетъ рѣчь». Далѣе Бѣлинскій говоритъ о томъ, что пьянство на Руси такъ глубоко пустило корни, что даже общественною нравственностью исключено изъ числа пороковъ. Впрочемъ пьянство дѣйствительно не всегда у насъ бываетъ слабостью или порокомъ, но часто и признакомъ глухой силы, которая неправильно рвется наружу, будучи стѣснена условіями общественнаго быта, неопредѣленностью общественныхъ отношеній. Вино часто вдохновляетъ русскаго человѣка. Итакъ, «удивительно ли, что на Руси пьяницы спасали отечество отъ бѣды и допускались къ столу Владиміра Красное-Солнышко?... Васька-пьяница—это человѣкъ, который знаетъ правило: пей, да дѣло разумѣй; человѣкъ, который съ вечера повалится на полъ за-мертво, а встанетъ раньше всѣхъ, и службу сослужитъ лучше трезваго. Это — повторяемъ одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ народной фантазіи: оттого то и Илья Муромецъ съ нимъ выпилъ довольно зелена вина и назвалъ того пьяницу Василья братомъ названнымъ».

Гораздо меньше говорятъ и Бѣлинскій и Аксаковъ объ остальныхъ богатыряхъ нашего эпоса. Изъ нихъ мы прежде всего остановимъ наше вниманіе на Дюкѣ Степановичѣ. Аксаковъ только излагаетъ содержаніе былины объ этомъ богатырѣ и замѣчаетъ, что кромѣ нея была сложена и еще одна пѣсня о немъ же, до насъ она однако не дошла. О самомъ богатырѣ и его характерѣ мы у Аксакова не находимъ никакихъ замѣчаній. Бѣлинскій обращаетъ вниманіе только на богатство Дюково. Хотя и самая былина отчасти тоже останавливаетъ на себѣ его вниманіе, и онъ невольно поражается тою простодушною иронiею, съ которой описывается богатство наряда Дюка Степановича. Эта иронія, по словамъ Бѣлинскаго, такъ въ духѣ русскаго народа.

Ничего не говорятъ ни Аксаковъ, ни Бѣлинскій и о Михаилѣ Казарянинѣ, кромѣ изложенія содержанія былины о немъ. Бѣлинскій только по своему обыкновенію указываетъ на совсѣмъ не рыцарскій поступокъ нашего богатыря съ дѣвицею полоняночкою, которую онъ освободивъ отъ татаръ, сейчасъ же повелъ въ бѣлъ-шатеръ, гдѣ и призналъ въ ней родную сестру.

Что до Потока Ивановича, то Аксаковъ только отмѣчаетъ сходство былины о немъ со сказками «1001 ночь». Нѣсколько больше говоритъ Бѣлинскій. Вотъ относящееся сюда мѣсто его статьи: «Трудно сказать что-нибудь объ этой сказкѣ—такъ чужда она всякой опредѣленности. Всѣ лица и событія ея—миражи: какъ будто что то видишь, а между тѣмъ ничего не видишь. Почему Авдотья Лиховидьевна—колдунья, не знаемъ, потому что она ни образъ, ни характеръ. Или всѣ женщины, по понятію нашихъ добрыхъ дѣдовъ, были колдуньи? Потокъ—тоже что то въ родѣ ничего, и вообще вся эта сказка—ничего, изъ котораго ничего и не выжмешь». Далѣе передъ нами богатырь Иванъ Гостиный сынъ. Аксаковъ въ своемъ сочиненіи посвящаетъ характеристикѣ его всего нѣсколько словъ, изъ которыхъ однако ясно видно, что, по его мнѣнію, это

вовсе не богатырь, а только «добрый и простой малый». Совершенно иное читаемъ мы у Бѣлинскаго; онъ прямо называетъ Ивана «богатыремъ, сѣвшимъ при дворѣ князя силою и храбростью». Былину объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ Бѣлинскій объясняетъ народною апоѳеозою коня, хотя вообще признаетъ ее неудобопонятною и странною.

Двухъ слѣдующихъ героевъ нашего эпоса Ивана Годиновича и Гордена Блудовича Аксаковъ точно такъ же называетъ «не богатырями». Что касается до Бѣлинскаго, то онъ вовсе не высказываетъ намъ своего взгляда на нихъ.

Чрезвычайно высоко цѣнитъ Аксаковъ пѣсни: о 41 каликѣ и о Соловьѣ Будиміровичѣ. Относительно первой онъ говоритъ, что она «высочайшаго достоинства и весьма замѣчательна». Изъ второй онъ приводитъ между прочимъ ея четыре первыхъ стиха:

«Высота ли, высота поднебесная,
«Глубота, глубота Океанъ-море;
«Широко раздолье по всей землѣ,
«Глубоки омуты Днѣпровскіе.

и говоритъ, что они могли бы послужить самымъ подходящимъ эпиграфомъ къ сборнику русскихъ народныхъ произведеній. Бѣлинскій по поводу пѣсни о каликахъ замѣчаетъ, что «эта поэма носитъ на себѣ характеръ легенды, и замѣчательна по противорѣчію тона первой ея половины съ тономъ послѣдней: тамъ калики сущіе сорванцы «орутъ, рявкаютъ, прошаютъ милостыню», тутъ они—если неграціозны, мужиковаты, за то кротки и почестливы. Въ Касьянѣ выражена идея человѣка, освятившагося страданіемъ отъ неправаго наказанія; въ его великодушномъ поступкѣ съ Апраксѣевною есть что то умиряющее душу»... Что до второй пѣсни, то Бѣлинскій не высказываетъ своего заключенія о ней, онъ только приводитъ, какъ и всегда, содержаніе ея, хотя первые стихи, очевидно, обратили на себя и его вниманіе: не даромъ онъ цѣликомъ выписываетъ ихъ передъ началомъ изложенія былины.

Ничего не говоритъ Аксаковъ о Дюкѣ Степановичѣ. У Бѣлинскаго мы находимъ тоже только одинъ пересказъ былины.

X.

Итакъ московскій кружокъ, проникнутый гегеліанствомъ, распался, но какъ бы взамѣнъ его теперь возникаетъ новый выразитель прогрессивныхъ стремленій общества. Общая точка зрѣнія являлась въ немъ со всѣми оттѣнками различія умственныхъ и нравственныхъ интересовъ дѣятелей кружка. Членами этого вновь возникшаго кружка, который по своимъ симпатіямъ можетъ быть названъ «западнымъ», были Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, Анненковъ и Боткинъ. Этотъ новый кружокъ принесъ несомнѣнную услугу развитію общественныхъ понятій, ибо его основной взглядъ стоялъ гораздо выше господствовавшихъ тогда взглядовъ, онъ не удовлетворялся тѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя, и настойчиво требовалъ преобразованій. Противникомъ этому «западному» явился «славянофильскій» кружокъ, со взглядами котораго много боролся Бѣлинскій. Мы уже отчасти знакомы со взглядами славянофильскаго кружка по статьѣ одного изъ выдающихся его дѣятелей — К. Аксакова, которую цитировали въ IX главѣ нашего труда. Въ той же главѣ видѣли мы и совершенную противоположность его взглядамъ мнѣній Бѣлинскаго, но нами тогда была цитирована только одна половина всей статьи Виссаріона Григорьевича о русскихъ народныхъ произведеніяхъ. Между тѣмъ и другая часть ея, выражающая общій взглядъ Бѣлинскаго на народное творчество вообще и на русское въ частности не лишено интереса, а потому мы теперь попросимъ позволенія у читателя на нѣкоторое время задержать его вниманіе краткимъ пересказомъ относящихся сюда страницъ этой статьи.

Въ первой главѣ Бѣлинскій говоритъ прежде всего о ходѣ постепеннаго развитія понятія, при чемъ отмѣчаетъ здѣсь четыре періода:

a) умъ нашъ воспринимаетъ только одну сторону понятія и отвергаетъ другую, какъ ложную. Эту сторону онъ доводитъ до крайности;

b) увидѣвъ эту крайность, умъ бросается въ другую противоположную ей сторону, доводя ее опять до крайности;

c) понятіе распалось на двѣ противоположныя и враждебныя между собою стороны; умъ начинаетъ замѣчать, что въ каждой изъ нихъ есть доля истины и что онѣ нуждаются другъ въ другѣ;

d) умъ видитъ, что онѣ — двѣ стороны одного и того же понятія и что истина лежитъ въ ихъ примиреніи.

Такимъ образомъ классицизмъ и романтизмъ суть двѣ стороны одного понятія, изображенія въ искусствѣ природы, облагороженной идеею. Точно такъ же искусственность и естественность — двѣ крайности и въ ихъ примиреніи лежитъ полнота искусства. Естественность и народность совершенно не одно и тоже: истинно народное—естественно, но истинно-естественное можетъ быть и не народно. Народное и общечеловѣческое двѣ крайности одного и того же понятія. Какъ ни одинъ человѣкъ не существуетъ отдѣльно отъ общества, такъ ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣчества. Только та литература истинно народна, которая въ тоже время есть литература общечеловѣческая и наоборотъ. Далѣе Бѣлинскій считаетъ возможнымъ возраженіе: всякій ничтожный народъ имѣетъ свою поэзію и, какъ всякая поэзія есть дѣйствительно существующій фактъ, то значитъ можно имѣть поэзію, не принадлежа къ семейству человѣческаго рода. Это возраженіе онъ опровергаетъ, говоря, что нѣтъ такого народа, который бы былъ совершенно исключенъ изъ человѣческаго рода. Однако не всѣ народы въ одинаковой степени участвуютъ въ жизни человѣчества, и вотъ поэтому то и цѣнность ихъ поэтическихъ

произведеній различна. Вообще же народная поэзія—это несвязный лепетъ младенца-народа и значительно ниже художественной поэзіи: одно произведеніе послѣдней стоитъ выше всей массы произведеній первой.

Въ началѣ второй главы Бѣлинскій прежде всего дѣлаетъ какъ бы краткое résumé всего сказаннаго ранѣе. «Мы сказали, говоритъ онъ, что какъ естественное противополагается въ поэзіи искусственному, такъ народное противополагается общему, и наоборотъ, какъ народное, такъ и общее суть понятія родственныя, заключающіяся въ самой сущности творчества». Теперь онъ приступаетъ къ объясненію значенія общаго (міроваго, абсолютнаго) и особнаго (частнаго, исключительнаго). Общее—это, по словамъ Бѣлинскаго, абсолютная идея и эта «абсолютная идея, будучи матерью всякаго чувственнаго бытія, оставаясь въ своемъ элементѣ чистаго, недоступнаго чувствамъ бытія, подобна нулю, который, самъ по себѣ не будучи ничѣмъ, тѣмъ не менѣе признается математиками за абсолютное начало всякой величины и всѣхъ величинъ». Это общее, чтобы перейти изъ сферы идеальной возможности въ положительную дѣйствительность, должно было перейти черезъ моментъ отрицанія своей общности и стать особнымъ, индивидуальнымъ и личнымъ». Общее сперва обособилось въ планетѣ и въ предметахъ царствъ растительнаго и ископаемаго, а потомъ уже и въ животныхъ, въ правильной постепенности переходя отъ низшаго рода къ высшему. «Цѣль этого творческаго движенія—сознаніе, возможное только для личности, для субъекта, до которыхъ общее достигло, ставъ человѣкомъ». Человѣкъ—начало царства духа. Далѣе Бѣлинскій задаетъ вопросъ: «что такое обще-человѣческое?» и приходитъ къ заключенію, что общечеловѣческое—это любовь, но любовь сознательная, имѣющая разумное основаніе. Въ исторіи общее является въ избранникахъ судебъ Божіихъ: они выражаютъ своею личностью все то, что составляетъ сущность народа или человѣчества въ эту эпоху, они—«личное общее» своего времени. Выяснивъ такимъ

образомъ понятіе «общее», авторъ говоритъ, что это общее есть предметъ искусства. Но и въ искусствѣ оно должно обособляться въ отдѣльныя органическія явленія. «Посему, говоритъ авторъ, всякое художественное произведеніе есть нѣчто отдѣльное, особное, но проникнутое общимъ содержаніемъ—идеею». Идея съ формою должны быть органически слиты. Идея народности въ искусствѣ вытекаетъ прямо изъ процесса обособленія общаго, потому что уже само человѣчество есть нѣчто особное, а тѣмъ болѣе народъ. Такимъ образомъ выходитъ, что истинно художественное произведеніе всегда истинно національно. Но условія обособленія общаго въ произведеніяхъ искусства не оканчиваются только національностью и оригинальностью: безъ типизма нѣтъ ни той ни другой. Типъ—это сліяніе общаго съ особнымъ. Другое условіе обособленія общаго въ искусствѣ заключается въ томъ, что «художественное произведеніе должно быть цѣлымъ, единымъ, особнымъ и замкнутымъ въ себѣ міромъ. Въ немъ общее, пріявъ плоть и образъ, приковывается къ извѣстному пространству и извѣстному времени, но, дѣлаясь матеріею, оно не перестаетъ быть и духомъ: принадлежа ничтожному клочку земли, гдѣ разыгралась драма, оно гражданинъ всего міра. Поэтому художественное произведеніе и конечно и безконечно вмѣстѣ. Истинное и полное сліяніе общаго съ особнымъ возможно только чрезъ уравновѣшеніе идеи съ формою, слѣдственно только въ художественной поэзіи. Мысль младенчествующаго народа всегда болѣе или менѣе темна, а потому и не можетъ найти себѣ равновѣснаго выраженія въ формѣ. Однимъ этимъ уже достаточно опредѣляется отношеніе естественной или народної поэзіи къ художественной. Но художественная поэзія находится въ тѣсномъ родствѣ съ естественною, потому что, такъ сказать, выростаетъ на ея почвѣ. Чтобы развиться въ художественную, естественная поэзія должна быть полна элементовъ общаго. Эти свои мысли Бѣлинскій подтверждаетъ примѣрами, указывая на Эсхиловскаго и Гетевскаго Прометея, на Иліаду, на Тегне-

ровскаго Фритіофа и на Германскую сказку о богатырѣ и его возлюбленной, какъ на произведенія, почерпнувшія свое содержаніе изъ цикла народныхъ сказаній.

Третью главу Бѣлинскій начинаетъ положеніемъ, которое можетъ быть формулировано такъ: поэзія и внутренняя исторія народа находятся въ тѣсной связи и взаимно объясняютъ другъ друга. Источникъ внутренней исторіи народа заключается въ его міросозерцаніи, которое высказывается прежде всего въ религіозныхъ миѳахъ. Это древнѣйшія поэмы; въ нихъ поэзія слита съ религіею. Далѣе, въ вѣкъ героизма поэзія отдѣляется отъ религіи, образуя особую область народнаго сознанія. Затѣмъ, уже въ періодъ гражданской и семейной жизни, поэзія дѣлается вполнѣ самостоятельною областью народнаго сознанія и переходитъ въ дѣйствительную жизнь; становясь изъ поэмы романомъ, изъ гимна пѣснею. Тогда-же возникаетъ и драма. Такимъ образомъ изъ народной поэзіи наконецъ является художественная. Если народъ послѣ миѳическаго и героическаго періодовъ своей жизни переходитъ не въ гражданственность, основанную на разумномъ развитіи, а въ общественность, основанную на преданіи, то у него не можетъ быть художественной поэзіи. Эпопею его составляютъ сказка и историческая пѣсня тоже со сказочнымъ характеромъ, ср. казацкія малороссійскія и наши историческія пѣсни: характеръ первыхъ — поэтически-историческій, а вторыхъ — прозаически-сказочный. Лирика, хотя-бы и гражданскаго, но не сознавшаго еще себя, общества состоитъ въ пѣснѣ—простодушномъ изліяніи горя или радости сердца, въ тѣсномъ и ограниченномъ кругу общественныхъ и семейныхъ отношеній. Таково по большей части содержаніе русскихъ народныхъ пѣсенъ, а потому онѣ нѣмы для другихъ націй. Въ миѳическихъ и героическихъ пѣсняхъ виденъ духъ народа. Въ русскихъ пѣсняхъ виденъ могучій духъ, но духъ, нуждающійся во внѣшнемъ возбужденіи, которое и было ему дано Петромъ I. Поэтому и Пушкинъ воспиталъ свою музу на европейской почвѣ, а не на материнскомъ лонѣ

народной поэзіи. Естественная поэзія всѣхъ славянскихъ племенъ богата чувствомъ и выраженіемъ, но бѣдна содержаніемъ, чужда элементовъ общаго и поэтому не способна развиться въ художественную поэзію. Если у Русскихъ и Чеховъ и есть нѣсколько великихъ поэтическихъ именъ, то это — результатъ усвоенія нѣкоторыхъ элементовъ жизни у Европы. Литературнымъ языкомъ Малороссовъ долженъ быть языкъ русскій. Малороссійскій поэтъ долженъ быть сыномъ Россіи, потому что племя можетъ имѣть только народныя пѣсни, а не великихъ поэтовъ, а что-же за нація безъ великаго и самобытнаго политическаго значенія? Доказательствомъ справедливости этихъ положеній можетъ служить Гоголь.

Народъ, не пробудившійся изъ естественнаго состоянія къ самосознанію имѣетъ народныя поэмы, но не имѣетъ поэтовъ; творцы народныхъ поэмъ обыкновенно неизвѣстны, но существованіе ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Причины такого явленія слѣдующія: 1) эти поэты не смотрѣли на себя какъ на поэтовъ; 2) пѣсня, переходя изъ устъ въ уста, измѣнялась. Поэтическія произведенія хранились въ устахъ народа, или потому что у него не было письменъ, или потому что, имѣя письмена, онъ считалъ униженіемъ для великаго искусства писанія заниматься пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Такъ это было у русскихъ. Авторами русскихъ пѣсенъ является самъ народъ, и скудная сокровищница его произведеній состоитъ изъ безчисленныхъ варіантовъ на одну тему.

Эпическія поэмы бываютъ трехъ родовъ: космогническія и миѳическія выражающія взглядъ народа на происхожденіе міра, сказочныя — эхо баснословно-героическаго быта младенчествующаго народа и историческія, сохраняющія поэтическія преданія объ исторической жизни народа, уже ставшаго государствомъ. Первыхъ у насъ нѣтъ, да порядочныхъ и быть не можетъ, потому что славянская миѳологія играла въ ихъ жизни слишкомъ незначительную роль. Древнѣйшій памятникъ русской эпической поэзіи — «Слово о полку Игоревѣ». Это произведеніе явно со-

временно воспѣтому въ немъ событію и носитъ на себѣ отпечатокъ поэтическаго и человѣчнаго духа Южной Руси, еще не знавшей варварскаго ига татарщины; чуждой грубости и дикости Сѣверной Руси. Другія пѣсни, хотя и съ именами Владимира Красна-Солнышка, Добрыни и др., очевидно болѣе поздняго происхожденія, потому что въ нихъ нѣтъ указаній на язычество; духъ и тонъ ихъ указываютъ, что Русь уже была въ то время переплавлена горниломъ татарскаго ига въ единое государство. Не отличаясь особою стройностью повѣствованія, «Слово» отличается благородствомъ тона и языка, почему нѣкоторые и считали его поддѣлкою въ родѣ Оссіановыхъ поэмъ. Относительно этого памятника существуютъ 3 мнѣнія: a) что онъ—великая поэма, равная Иліадѣ Грековъ, b) что онъ не древняго происхожденія и подложенъ и c) что онъ лишенъ всякихъ поэтическихъ достоинствъ. По мнѣнію Бѣлинскаго «Слово» не похоже на Иліаду, какъ не похожъ пастухъ играющій на рожкѣ, на Моцарта и Бетховена, но древне и представляетъ изъ себя «чудный, благоухающій цвѣтокъ славянской народной поэзіи». Далѣе слѣдуютъ указанія на испорченность текста «Слова» писцами. Имя Боянъ Бѣлинскій толкуетъ какъ собственное имя человѣка, прославившагося пѣснями, а не какъ названіе въ родѣ минестреля или барда. Затѣмъ авторъ предлагаетъ переводъ этого памятника на болѣе обыкновенный языкъ и дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній по поводу его. Очень кратко говоритъ Бѣлинскій о «Сказаніи о нашествіи Батыя на русскую землю» и о «Моленіи Даніила Заточника». Вся остальная часть этой главы посвящена русскимъ былинамъ. Съ нею мы уже достаточно знакомы.

Передъ нами теперь четвертая глава статьи Бѣлинскаго. Глава эта состоитъ изъ изложенія содержанія былинъ Новгородскаго цикла, которому предпосылается нѣсколько общихъ замѣчаній относительно свойствъ и отличительныхъ качествъ этихъ былинъ. Вторая часть ея посвящена ознакомленію читателей съ русскими сказками и другими народными произведеніями.

Прежде всего Бѣлинскій указываетъ что, хотя число Новгородскихъ былинъ очень незначительно, всего 4, но за то, «вникнувъ въ ихъ духъ и содержаніе, мы увидимъ, что передъ ними бѣдна вся остальная сказочная поэзія, увидимъ міръ новый и особый, служившій источникомъ формъ и самого духа русской жизни, а слѣдовательно и русской поэзіи». Далѣе идетъ изложеніе извѣстной былины о Васькѣ Буслаевѣ. Какъ и ранѣе, мы здѣсь не будемъ пересказывать содержанія былинъ, полагая его уже извѣстнымъ: наша задача — ознакомиться со взглядами Бѣлинскаго на нашъ эпосъ, а не съ самимъ эпосомъ. Въ этой былинѣ авторъ видитъ гораздо болѣе, чѣмъ въ прежнихъ, поэзіи и силы въ выраженіи, онъ даже видитъ тутъ мысль и идею. По его мнѣнію, эта поэма есть выраженіе историческаго значенія и гражданственности Новгорода. Иной чисто-исторической поэмы здѣсь не могло быть, потому что точность и опредѣленность — необходимое условіе поэзіи, а именно ихъ-то въ исторіи Новгорода и не было.

Новгородъ, вѣроятно, былъ колоніею Южной Руси, а колоніи народовъ, стоящихъ на низкой степени гражданственности, всегда образованнѣе метрополій. Это и понятно, потому что въ колоніи всегда уходила самая предпріимчивая часть населенія метрополіи. Естественныя условія заставляютъ Новгородъ сосредоточиться на торговлѣ. Новгородцы однако не сдѣлались гражданами правильно организованной республики: у нихъ не было понятія о правахъ личномъ, общественномъ и торговомъ. Внѣшнія обстоятельства вызвали Новгородскую гражданственность, они-же и убили ее. Новгородъ существовалъ пока была безсильна остальная Русь, дольше онъ существовать не могъ, потому что не жилъ, не развивался, а слѣдовательно у него не могло быть ни исторіи ни поэзіи. Путемъ торговли является въ Новгородѣ богатство, отсюда идетъ самодоволье, приволье, удальство, молодечество, отсюда-же идетъ странная и оригинальная государственность его. Является аристократія со своими взглядами и обычаями; Новгородъ стано-

вится русскимъ Парижемъ, откуда по всей Сѣверной Руси идетъ этикетъ.

Былины Новгородскія не имѣютъ ничего общаго со «Словомъ о Полку Игоревѣ», съ Южною Русью, въ нихъ все чисто Новгородское: и изобрѣтеніе, и выраженіе, и тонъ, и колоритъ, и замашка.

Новгородъ и Псковъ зародыши чего то великаго, какая то размашистая попытка на что то. Это каррикатура республики, это именно вольница, которая не лучше, а можетъ быть хуже азіатскаго деспотизма. Новгородъ — инфузорій государства, но не государство; грандіозное и размашистое проблескивало въ его жизни и исчезало, какъ миражъ. Былины всего лучше изображаютъ эту смутность существованія Новгорода: былина о Васькѣ Буслаевѣ такъ же дика, безобразна, удала, размашиста, сильна, могуча и неопредѣленна, какъ самъ Новгородъ. Былина эта указываетъ на существованіе въ Новгородѣ аристократіи и черни, враждующихъ между собою. Въ Римѣ борьба между патриціями и плебеями понятна, потому что 1) патриціи образовались изъ класса побѣдителей, а плебеи изъ класса покоренныхъ, 2) патриціи завладѣли всѣми политическими правами, не оставивъ почти ничего плебеямъ и 3) патриціи гнушались плебеями. Въ Новгородѣ ничего подобнаго не было, все было основано на богатствѣ, а потому тамъ подобная вражда была нелѣпа. Буслаевъ — представитель новгородской аристократіи, Костя Новоторженинъ—купецъ; между собою они связаны узами названнаго братства, и это братство—символъ единства и родства высшаго и низшаго сословій въ политической организаціи Новгорода. Драка начинается просто изъ молодечества. Жалобы мужиковъ Васькиной матери указываютъ на патріархальность и семейность гражданскаго быта. Въ упоминаніи «дорогихъ подарочковъ» Бѣлинскій видитъ намекъ на то, что и въ Новгородѣ ничто не дѣлалось безъ подарковъ. Но «дѣвушка-чернавушка», упоминаемая въ былинѣ кажется Бѣлинскому совершенно непонятною. Лучшимъ мѣстомъ во всей этой

поэмѣ, по мнѣнію нашего автора, является встрѣча Васьки со старчищемъ-пилигримищемъ, въ лицѣ котораго выразилась поэтическая апоѳеоза Новгорода. Холодно и спокойно останавливаетъ онъ разбушевавшагося Буслаева. Въ отвѣтѣ Васьки этому старичищу ясно видны привилегіи духовенства и уваженіе идеи Новгорода, но и то, и другое побѣждается молодечествомъ. Здѣсь даже противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что старчище-пилигримище, по колоколу-шляпѣ котораго Васька ударяетъ осью телѣжною, «качается — не шевельнется», не смущаетъ Бѣлинскаго и онъ легко разрѣшаетъ его, относя слово качается къ колоколу, а не шевельнется къ старчищу. Что касается до выраженія «а и во лбѣ глазъ — ужь вѣку нѣту», то авторъ усматриваетъ въ немъ указаніе на мистическую древность Новгорода. Предстоящій предъ нами здѣсь образъ Новгорода — граціозенъ, силенъ, поэтиченъ, но страшенъ, дикъ, неопредѣленenъ, это какой то взмахъ безъ удара.

Затѣмъ слѣдуетъ пересказъ второй былины — поѣздки Буслаева въ Ерусалимъ и его смерти на горѣ Сорочинской. Бѣлинскій не считаетъ Ваську разбойникомъ, его дѣла кажутся автору просто шалостью, молодечествомъ отъ недостатка въ Новгородѣ гражданственности. Сильная натура требуетъ широкаго, размашистаго круга дѣятельности, она рвется впередъ и сокрушаетъ слабую паутину общественной морали. Такимъ образомъ Васька является мотомъ и пьяницею отъ избытка душевнаго огня, лишеннаго истинной пищи. Онъ съ похвальбой произноситъ свои слова: «бито много, граблено» и корабельщики не приходятъ въ ужасъ, слыша ихъ. Идя на богомолье, онъ не смиренный пилигримъ, но все еще удалой молодецъ. Обстановка смерти Васьки просто нелѣпа, и только развѣ неразвитый умъ можетъ видѣть что либо таинственное, мистическое. Въ этой былинѣ Бѣлинскій усматриваетъ даже признаки географической достовѣрности, замѣчая по поводу упоминанія сопки на вершинѣ горы, что это явленіе возможно

на Западѣ Каспійскаго моря. Баба залѣсная, предсказывающая дружинѣ смерть Васьки, кажется ему однимъ изъ чудовищныхъ порожденій лишенной содержанія фантазіи русскаго человѣка, но за то заключительная сцена извѣщенія матери о смерти Васьки Буслаева представляется ему «исполненною какою то глубиною».

Затѣмъ Бѣлинскій переходитъ къ былинамъ о Садкѣ-богатомъ гостѣ и пересказываетъ содержаніе извѣстной поэмы о состязаніи его съ Новгородомъ въ богатствѣ. Здѣсь нашъ авторъ усматриваетъ даже идею, именно онъ видитъ здѣсь поэтическую апоѳеозу Новгорода, какъ торговой общины. Садко олицетвореніе безконечной удали и силы, основывающихся однако только на денежныхъ средствахъ. Садко великъ и полонъ поэзіи не самъ по себѣ, но какъ представитель Новгорода всѣмъ богатаго. Вообще вся эта былина кажется Бѣлинскому проникнутою необыкновеннымъ одушевленіемъ и поэзіею, это одинъ изъ перловъ русской поэзіи.

Въ былинѣ о пребываніи Садко у морского царя авторъ видитъ живые образы идей, поэтическое олицетвореніе покровительствующихъ торговой общинѣ водяныхъ божествъ. Эта поэтическая миѳологія Новгорода на взглядъ Бѣлинскаго выше всей славянской миѳологіи.

Вся остальная часть статьи посвящена обзору народныхъ сказокъ и пѣсенъ. Знакомство съ нею завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи и поэтому мы позволимъ себѣ не касаться ея.

Къ этой эпохѣ творчества Бѣлинскаго относится и богатый планъ написать «Теоретическій и критическій курсъ русской литературы», въ которомъ авторъ хотѣлъ дать публикѣ цѣлую систему эстетическихъ понятій и съ точки зрѣнія ея дать критическій обзоръ произведеній русской словесности. Нечего и говорить о томъ, сколько пользы могло бы принести подобное сочиненіе и какъ бы оно полно познакомило насъ съ взглядами Бѣлинскаго, которые теперь приходится вылав-

ливать, какъ жемчугъ изъ громаднаго моря его произведеній. Къ сожалѣнію однако этотъ планъ былъ выполненъ только отчасти: мы имѣемъ только обрывки: «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», разобранная статья о народныхъ произведеніяхъ, и не бывшія въ печати: «Идея искусства», «Общее значеніе слова: литература», «Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе» [1]).

Съ 1841 года въ Москвѣ начинается изданіе журнала «Москвитянинъ», во главѣ котораго стояли Погодинъ и Шевыревъ. Журналъ этотъ считался органомъ славянофиловъ и, слѣдовательно, по своему направленію былъ прямо противоположенъ «Отечественнымъ Запискамъ». Съ перваго раза Шевыревъ помѣстилъ здѣсь статью: «Взглядъ русскаго на современное состояніе Европы», проводившую мысль, что востокъ надѣленъ всѣмъ величіемъ исторіи и настоящаго, а западъ обреченъ гніенію. Этотъ взглядъ шелъ совершенно въ разрѣзъ со взглядами Бѣлинскаго, и вотъ теперь между нимъ и «Москвитяниномъ» начинается долгая и ожесточенная полемика.

Ожесточеніе, до котораго доходилъ «Москвитянинъ», можно видѣть уже хотя бы изъ того, что въ статьѣ «Взглядъ на современное направленіе русской литературы» Шевыревъ не постѣснялся нарисовать портретъ Бѣлинскаго (хотя прямо и не называя его имени), какъ «рыцаря безъ имени, одѣтаго въ броню наглости». Отвѣтомъ на этотъ вызовъ явилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья: «Педантъ, литературный типъ», подписанная псевдонимомъ Бѣлинскаго—Петръ Бульдоговъ. Здѣсь въ лицѣ Ліодора Ипполитовича Картофелина, «существа болѣе смѣшнаго и забавнаго, чѣмъ опаснаго, ибо противъ его» порывовъ «есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные дантисты, которые шутя выдергиваютъ ихъ», читатели, безъ всякаго сомнѣнія, сразу узнали Степана Ше-

[1]) См. тт. V и XII соч. Бѣлинскаго.

вырева. Портретъ былъ такъ удаченъ, что оригиналъ его цѣлую недѣлю не показывался въ обществѣ и даже собрался жаловаться, при чемъ на свою сторону склонилъ и московскаго генералъ-губернатора Голицына. Злоба доходила до такой степени, что Боткинъ даже предупреждалъ въ одномъ изъ писемъ Бѣлинскаго: «Смотрите, чтобы не было вамъ какой бѣды!».

Изъ фактовъ внѣшней жизни этого періода можно указать, что матеріальное положеніе Бѣлинскаго опять начинаетъ колебаться. Такъ, мы знаемъ, что ему пришлось занять въ редакціи 3,500 рублей, о которыхъ ему, по собственному признанію, было даже страшно и подумать, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его письмахъ впервые проглядываетъ мысль о заведеніи семейнаго уголка, ибо для него уже пришла пора жениться: онъ уже перестаетъ видѣть въ женщинѣ ее, а лишь просто (имя рекъ).

Изъ друзей Виссаріонъ Григорьевичъ продолжаетъ сохранять расположеніе ко всѣмъ, только отношенія съ Гоголемъ начинаютъ становиться нѣсколько непріязненными. Гоголь уважалъ критическій талантъ Бѣлинскаго, не могъ не быть благодарнымъ ему за то, что онъ первый указалъ его значеніе въ русской литературѣ, но не хотѣлъ открыто высказывать ему своихъ симпатій, боясь потерять дружбу Плетнева и другихъ своихъ друзей, тяготѣвшихъ къ славянофиламъ. Вслѣдствіе этого въ его отношеніяхъ начинаетъ проглядывать неискренность, которая, конечно, не могла не возмутить прямой, чуждой лукавства души Бѣлинскаго, и онъ пишетъ Гоголю рѣзкое письмо, о которомъ онъ самъ говоритъ, что «повернулъ круто — оно и лучше:.. знай нашихъ и люби и уважай; а не любишь, не уважаешь—не знай совсѣмъ».

Въ этомъ-же году Бѣлинскій узналъ и о смерти своего преданнаго друга А. В. Кольцова. О впечатлѣніи, произведенномъ этою смертью, мы можемъ судить по слѣдующей выдержкѣ изъ письма къ Боткину:

«Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать? На меня такія вещи иначе дѣйствуютъ: я похожъ на солдата въ разгаръ битвы—палъ другъ и братъ—ничего—съ Богомъ — дѣло обыкновенное. Оттого-то, вѣрно, потеря сильнѣе дѣйствуетъ на меня тогда, какъ я привыкну къ ней, нежели въ первую минуту»...

Вообще и въ этотъ періодъ душевнаго спокойствія Бѣлинскій не достигъ: спѣшная журнальная работа начинаетъ тяготить его, строгость цензуры лишаетъ его возможности высказываться, ибо область тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ хотѣлъ высказаться, была закрыта для литературы, и при такихъ условіяхъ одиночество начинаетъ все болѣе и болѣе томить его.

XI.

Нравственный переломъ, на который мы уже имѣли случай указать ранѣе, не былъ явленіемъ скоропроходящимъ, мысль Бѣлинскаго, вставъ на новый путь, уже не возвращалась, и все дальше и дальше увлекала его по этому пути. Глубокое уваженіе къ человѣческой личности, соціальныя идеи и восторженное преклоненіе передъ французами, прежде столь ненавистными ему, и ихъ литературой все опредѣленнѣе и рѣзче высказываются Бѣлинскимъ до самаго конца его жизни. Наиболѣе замѣчательнымъ произведеніемъ его въ разсматриваемую нами теперь эпоху были его знаменитыя статьи о Пушкинѣ. Авторъ не считалъ возможнымъ дѣлать оцѣнку произведеній пушкинской поэзіи, не вставъ на историческую точку зрѣнія, и потому въ упомянутыхъ статьяхъ его мы имѣемъ критическій обзоръ всей русской поэзіи съ ея перваго начинателя на Руси—Ломоносова. Мы уже имѣли случай познакомиться съ «Литературными мечтаніями», дающими подобный же обзоръ

явленій русской литературы. Однако эти новыя критическія статьи уже не представляютъ собою только одной эстетической критики литературныхъ явленій, но сверхъ нея даютъ еще и, такъ-сказать, общественную критику. Эти статьи, помѣщенныя въ VIII томѣ Московскаго изданія сочиненій Бѣлинскаго, мы считаемъ слишкомъ извѣстными, а потому не будемъ подробно останавливаться на нихъ, а лишь подтвердимъ нашу мысль одною выдержкою. Возьмемъ, напримѣръ, разсужденія Бѣлинскаго о стихотвореніи Жуковскаго «Теонъ и Эсхинъ»; вотъ что читаемъ мы тамъ: [1])

«На это стихотвореніе можно смотрѣть, какъ на программу всей поэзіи Жуковскаго, какъ на изложеніе основныхъ принциповъ ея содержанія. Всѣ блага жизни невѣрны: стало-быть благо внутри насъ; здѣсь все проходитъ и измѣняетъ намъ: стало быть, неизмѣнное впереди насъ. Прекрасно! Но *неужели же изъ этого слѣдуетъ, чтобы здѣсь сидѣли сложа руки, ничего не дѣлая, питаясь высокими мыслями и благородными чувствованіями?*... Это односторонность, нравственный аскетизмъ, крайность и заблужденіе ультра-романтизма...

Есть для человѣка и еще великій міръ жизни, кромѣ внутренняго міра сердца—міръ историческаго созерцанія и общественной дѣятельности,—тотъ великій міръ, гдѣ мысль становится дѣломъ, а высокое чувствованіе—подвигомъ, и гдѣ два противоположные берега жизни—здѣсь и тамъ—сливаются въ одно реальное небо историческаго прогресса, историческаго безсмертія... Обаятельна жизнь сердца; но безъ практической дѣятельности, источникъ которой заключался бы въ паоосѣ къ идеѣ, самый богато-надѣленный дарами природы человѣкъ рискуетъ скоро изжить всю жизнь и остаться при одной пустотѣ мечтательныхъ ожиданій и дѣйствительнаго отвращенія къ чувству бытія».

---

[1]) Т. VIII. 219, 220, 221, 222 стр.

Эти статьи, начатыя около 1843 года и оконченныя въ 1846 году, были послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ Бѣлинскаго, напечатаннымъ въ «Отечественныхъ запискахъ». Срочная журнальная работа и крайнія стѣсненія цензуры заставили его наконецъ отказаться отъ участія въ журналѣ и снова остаться съ массою надеждъ, но почти безъ заработка въ настоящемъ. Между тѣмъ въ разсматриваемую нами эпоху Бѣлинскій былъ уже не одинъ: въ 1843 году онъ ѣздилъ въ Москву повидаться съ друзьями и вернулся оттуда уже женихомъ. Скоро послѣдовала и свадьба, и теперь матеріальное положеніе Бѣлинскаго стало еще затруднительнѣе. Пока силы и здоровье позволяли Виссаріону Григорьевичу оставаться работникомъ на избранномъ поприщѣ, онъ честно и добросовѣстно работалъ на пользу отечественной литературы, но скоро начавшій развиваться въ немъ болѣзненный недугъ сдѣлалъ эту работу почти невозможною для него.

«Журнальная срочная работа, писалъ онъ своимъ московскимъ друзьямъ, высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно, я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмѣлья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно шатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье видимо разрушается».

И вотъ, несмотря на всѣ матеріальныя затрудненія, Бѣлинскій рѣшился бросить эту спѣшную работу и искать средствъ къ жизни путемъ изданія альманаха «Левіоѳанъ». Онъ обращается къ друзьямъ съ просьбою прислать свои статьи для предполагаемаго изданія, и тѣ охотно откликаются на его зовъ. Но окончательно расшатанное здоровье заставляетъ Виссаріона Григорьевича отложить свое изданіе, а теперь возможно скорѣе занять денегъ и отправиться лѣчиться на югъ. Тѣмъ болѣе что

и обстоятельства складывались вполнѣ благопріятно для этой поѣздки: Бѣлинскаго звалъ ѣхать вмѣстѣ съ собою, отправлявшійся на югъ частью для поправленія здоровья, частью на гастроли, извѣстный актеръ М. С. Щепкинъ.

Друзья собрали для Бѣлинскаго 500 рублей, и зная къ себѣ ихъ расположеніе, Виссаріонъ Григорьевичъ, столь щепетильный обыкновенно въ денежныхъ дѣлахъ, безъ колебаній воспользовался ихъ помощью. Семейство свое онъ отправилъ въ Ревель, а самъ въ концѣ апрѣля выѣхалъ въ Москву. Друзья радушно встрѣтили его, дали обѣдъ въ честь прибывшаго и даже проводили его со Щепкинымъ за 12 верстъ отъ заставы. Оттуда наши путешественники отправились въ Харьковъ, Одессу, Херсонъ и наконецъ въ Крымъ. Поѣздка нѣсколько укрѣпила Бѣлинскаго, но вообще не принесла ему той пользы, которой можно было ждать отъ нея, ибо Виссаріонъ Григорьевичъ не былъ рожденъ путешественникомъ: онъ скучалъ вдали отъ семейства, томился невозможностью поддерживать съ нимъ правильныя почтовыя сношенія и нетерпѣливо ожидалъ возвращенія домой. Дома его между тѣмъ ожидали пріятныя литературныя новости. Пушкинскій «Современникъ», выходившій 12 тонкими книжками въ годъ и чуждый всякаго литературнаго направленія, перешелъ къ Плетневу. Теперь въ 1846 году Плетневъ былъ согласенъ сдать свой журналъ въ аренду другой редакціи. Новая редакція пріобрѣла журналъ и желала сдѣлать его органомъ Бѣлинскаго. Виссаріонъ Григорьевичъ съ радостью взялся за это дѣло. Всѣ статьи, присланныя ему для «Левіоѳана», онъ помѣстилъ въ журналѣ. Скоро однако редакція стала стѣснять дѣятельность Виссаріона Григорьевича, да и здоровье его опять совсѣмъ разстроилось. Домъ Бѣлинскаго сталъ походить на лазаретъ, докторъ Тильманъ опять сталъ часто посѣщать его и совѣтовать ему заграничную поѣздку. Между тѣмъ по матеріальнымъ обстоятельствамъ нечего было и думать о поѣздкѣ: деньги изъ редакціи были и безъ того забраны чуть не за цѣлый годъ впередъ.

Но и въ эту тяжелую минуту старые друзья не покидаютъ больного Бѣлинскаго. Боткину удалось собрать нужную на поѣздку сумму. Тургеневъ долженъ былъ встрѣтить Виссаріона Григорьевича въ Штетинѣ, а потомъ сдать съ рукъ на руки П. В. А—ву.

5-го мая 1847 года Бѣлинскій сѣлъ на пароходъ и отправился въ Штетинъ. Плаваніе совершалось благополучно, если не считать особымъ несчастіемъ затрудненія, испытаннаго Виссаріономъ Григорьевичемъ вслѣдствіе незнанія иностранныхъ языковъ, да нѣкоторой качки. Въ Штетинѣ розыскать Тургенева не стоило большихъ трудовъ, и наконецъ, они уже вмѣстѣ прибываютъ въ Дрезденъ, откуда совершили обычную прогулку въ Саксонскую Швейцарію, и наконецъ на воды въ Зальцбруннепъ. Къ концу мая прибылъ сюда П. В. А—въ, который и взялъ на себя попеченіе о больномъ, а Тургеневъ отбылъ въ Англію. Погода стояла очень неблагопріятная и поправленіе на водахъ шло очень туго. Наконецъ, чтобы уже испытать все для поправленія своего здоровья, Бѣлинскій рѣшился отправиться въ Парижъ къ доктору Тира-де-Мальмору, о которомъ разсказывали чудеса, какъ объ необыкновенно искусномъ исцѣлителѣ чахотки. Путешествіе въ Парижъ, благодаря той же дурной погодѣ, мало доставило удовольствія Бѣлинскому. Только уже въ Парижѣ путешественниковъ встрѣтила чисто лѣтняя погода. Была уже половина іюля. Здѣсь въ Парижѣ Бѣлинскій свидѣлся со многими своими друзьями, и ихъ общество должно было нѣсколько ободрить его и подкрѣпить его силы. Къ тому же и докторъ обѣщалъ ему исцѣленіе, но требовалъ только переселенія въ его лечебницу въ Пасси, гдѣ и воздухъ чище парижскаго и леченіе удобнѣе, потому что паціентъ находится подъ непрерывнымъ наблюденіемъ врача. Бѣлинскій согласился, и П. В. А—въ сталъ ежедневно навѣщать своего больного друга. Леченіе пошло успѣшно, и около 12-го августа Виссаріонъ Григорьевичъ уже оставилъ лечебное заведеніе, при чемъ Тира-де-Мальмору далъ ему нужныя

наставленія и лѣкарства на зиму. Теперь Бѣлинскій, обнадеженный докторомъ, веселый и поздоровѣвшій, снова возвращается въ парижскую семью своихъ друзей. Скоро, однако, мысль о семействѣ начинаетъ его опять манить на родину. Около 11-го сентября онъ оставилъ наконецъ Парижъ. Зная, что Бѣлинскій, не владѣетъ языками, друзья его подыскали ему провожатаго до Берлина, но этотъ спутникъ потерялся гдѣ то на первой же станціи, и Бѣлинскому пришлось ѣхать одному до Брюсселя.

Наконецъ опять черезъ Штетинъ Виссаріонъ Григорьевичъ возвратился въ Петербургъ и могъ прижать къ своей груди жену и дочь. Не много однако привезъ онъ имъ радости изъ-заграницы: здоровье его опять разстроилось совершенно. Бывали дни, когда лихорадка и болѣзненные припадки совершенно лишали его возможности работать, но эти дни прерывались недолгимъ обманчивымъ выздоровленіемъ: Бѣлинскій начиналъ надѣяться, духъ его свѣтлѣлъ при мысли, что онъ еще можетъ работать и, слѣдовательно, имѣетъ возможность и право жить, но эти перерывы становились все рѣже и рѣже, и подтачиваемый злымъ недугомъ, организмъ Бѣлинскаго все болѣе и болѣе клонился къ разрушенію. Однако время съ возвращенія его изъ-заграницы до марта 1848 года было временемъ горячей и упорной работы для журнала.

Съ марта болѣзнь усилилась настолько, что больной уже почти не оставлялъ кресла. Скоро къ болѣзни присоединились еще и тяжелыя нравственныя тревоги. Цензура сдѣлалась еще болѣе строгою, былъ даже образованъ 2-го апрѣля особый комитетъ, который долженъ былъ пересмотрѣть старую литературу съ вновь поставленной точки зрѣнія.

Сверхъ того говорили, что на пароходѣ на пути изъ-заграницы Бѣлинскій познакомился съ какимъ то господиномъ, увлекся разговоромъ и горячо обсуждалъ какіе то политическіе вопросы.

Всѣ эти тревожные слухи надорвали въ конецъ послѣднія силы Виссаріона Григорьевича и довели его до могилы.

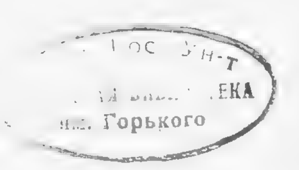
26-го мая 1848 года въ 6-мъ часу утра онъ скончался. Могила его находится на Волковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилами позднѣе его умершихъ критиковъ Добролюбова и Писарева.

Миръ праху твоему, самоотверженный труженикъ! Sit tibi terra levis!

М. Быстровъ.

1898 года
Апрѣль.

2000 : 30
13 66.
[illegible]
[illegible]

[d]

